

КОСТРОМСКОЕ СОЛЕВАРЕНИЕ

В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ.

СОДЕРЖАНИЕ: Евг. Дюбюк. Из истории соляной промышленности Костромского края (материалы), часть I-я.—А. Розин. Обзор выходов соляных рассолов в Буре, Солигаличе и Боярской волости.—Л. Н. Назарьин. Солеварение в Солигаличе в 1919—1921 годах.

ЕВГ. ДЮБЮК.

ИЗ ИСТОРИИ СОЛЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ Костромского края.

(МАТЕРИАЛЫ).

Часть I-я.

СОДЕРЖАНИЕ: Вступление.—Большесольское солеварение.—Солеварение у Соли Малой.—Нерехтское солеварение.—Солеварение на Воче.—Солеварение в окрестностях Буя.—Халбужский соляной район.—Солеварение в Кадье.—Солеварение в остальных районах края.—Солеварение в период революции.—Результаты обследов. соляных источников.—Приложения.

Из истории соляной промышленности Костромского края.

Солеварение является, быть-может, наряду с кузнечным делом, одним из наиболее древних промыслов.¹⁾

В эпоху Московского государства Север России изобиловал соляными варницами. Солеварение существовало на пространстве нынешних губерний: Архангельской, Вологодской, Пермской, Нижегородской, Ярославской, Владимирской и т. д.

Несомненная связь соляных промыслов с наличием близких к поверхности залегающих соленосных пород. Понятно также, что процветать соляная промышленность могла лишь в районах с дешевым топливом, где под рукою населения имелись обширные девственные леса. Значение высокой лесистости, как фактора солеварения, особенно ярко проступает наружу позднее, в эпоху упадка этого промысла.

Однако указанных естественных условий было еще недостаточно для широкого развития соляного промысла. Солеварение едва ли развилось бы так сильно на нашем Севере, если бы для него не открывался широкий рынок, если бы не было торгового обмена, крепко связавшего промысловый Север с хлебородной Средней Россией. Север нуждался в хлебе, и он получал его привозом с юга—в обмен на соль. Ключевский в очерке „Хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря“ нарисовал яркую картину этого обмена при посредстве монастырских насад, ходивших по Северной Двине с солью и хлебом. „Двина—говорит Ключевский—имела огромное значение в истории Соловецкого монастыря... От нее много зависело и материальное существование монастыря. Ее течение служило для него тем путем, которым он связывал свою Беломорскую, крайнюю промышленность с промышленностью внутренних областей государства. По Двине ежегодно ходили монастырские насады, возившие в Вологду и другие города десятки тысяч пудов соли из монастырских варниц и возвращавшиеся с огромными хлебными и разными другими запасами, необходимыми для многочисленной братии монастыря и многочисленных слуг, работавших на его землях“²⁾.

Существовало и было широко развито в прежнее время солеварение и в Костромском крае. В XV—XVII вв. солеварение здесь было одним из распространенных промыслов. Соляные промыслы, как удостоверяют это исторические документы, существовали в ряде местностей нашего края: на юго-западе губернии—в низовьях р. Солиницы (Большая и Малая Соли) и в Нерехте, на северо-западе—у Соли Галицкой и на Воче, на востоке—в окрест-

¹⁾ Вейлэ (Первобытное общество, 6-ка знания Сойкина, стр. 59), м. пр., замечает, что „в Европе не без основания отыскивают наиболее древние селения, как и первые начатки местных промыслов, по соседству с многочисленными соляными источниками“.

²⁾ Опыты и исследования. М. 1912, стр. 31. Отметим кстати, что Вологда имела значение лишь перевалочного пункта. „Огромные запасы соли, которыми торговал монастырь, только проходили через Вологду, направляясь в центральные уезды Московского государства“. (В Сторожев, Монастырское землевладение на Вологде по данным 1627—1630 гг. Сб-к статей, посвящ В. О. Ключевскому. М. 1909, стр. 367). Имел большое значение в соляной торговле также и Каргополь. Костомаров говорит, что Каргополь „был главным местом закупки северной соли. Белозерцы и вологодцы, а иногда торговцы из других городов приезжали, туда для покупки соли и развоза по России“. (Очерк торг. Моск. госуд. в XVI и XVII, ст. Собр. соч. Историч. моногр. и исслед. кн. 8-я, т. XX, стр. 294).

ностях Кадыя. Имеются указания на солеварение в Кинешме. По преданиям вываривалась соль также возле Буя, в Халбужской волости Кологривского у., в Боярской вол. Макарьевского у. и, вероятно, еще в длинном ряде местностей.

Никитин устанавливает ¹⁾, что в Костромской губ. соляные источники—обычный спутник нижних горизонтов яруса пестрых мергелей и переходных пластов над толщей пермского известняка. В тех случаях, когда этот ярус залегает близко к поверхности земли (как, напр., в Солигаличе, по Воche, по р. Солонице, близь Кадыя) имеются налицо соляные источники.

Этими источниками Костромской край изобиловал. Об том между прочим красноречиво говорит длинный ряд речек и селений с названиями, производными от соли ²⁾.

Второе условие, необходимое для развития солеварения на севере-обилие древесного топлива—также имелось налицо. Еще и сейчас Костромская губ. одна из высоколесистых губерний. Несомненно, в прежние времена она в еще большей степени изобиловала лесами.

Богатство соляными источниками и лесное изобилие, наряду с большой потребностью в соли, как для местного потребления, так и для сбыта на сторону, привели к возникновению и развитию добычи соли в Костромском крае, к созданию ряда солеварных районов.

Ниже приводятся собранные нами данные о соляных промыслах по каждому из районов в отдельности ³⁾. Разумеется, данные эти не имеют исчерпывающего значения, но именно поэтому принятая нами порайонная их группировка облегчит работу последующих собирателей материалов по истории Костромского солеварения.

I. Большесольское солеварение.

Солеварение в посаде Соли Большие—весьма древнего происхождения. В „Памятной книжке Костромской губ. на 1862 г.“ (стр. 291) говорится, что варницы в Б. Солях находились „с незапамятных времен“. Н. И. Селифонтов полагает, что варницы в Б. Солях „существовали, вероятно, с XIII в., если не ранее“ ⁴⁾ Сама Соль Большая или Великая, как она раньше называлась, одно из старинных поселений края. Впервые о Великой Соли в летописях упоми-

¹⁾ Труды Геологич. К-та, т. II. Общая Геологическая Карта России. Лист 71-й, 1885 г., стр. 24, 34, 83, 176 и т. д.

²⁾ Не пытаюсь исчерпать предмет, можно, пользуясь „Списками населенных мест Костр. губ.“: а) по свед. 1870—72 г. (Изд. Ц. Ст. К-та СПб., 1877) и б) по свед. 1907 г. (Изд. Костр. Губ. Зем. 1908) привести такой перечень названий, напоминающих о соли. Речки: Солоничка (Идская в. Чухл. у.), Солоница Туранская в. Варнав. у.; Костр. и Нерех. у.), Усолка (Боярская в. Макар. у.), Солонка (Валовская в. Макар. у.), Солоница (Ловыгинская в. Макар. у.), Солишанка (Скоробогатовская в. Макар. у.), Солобанка (Сараевская в. Нерех. у.). Деревни: Усолцево (Нольско-Березовская в. Солиг. у.; Боровская в. Чухл. у., Моисеевская в. Варн. у., Вознесенская в. Галич. у.), Усолье (Халбужская в. Кологр. у., Богоявленская в. Варн. у., Боярская в. Макар. у.), Усолово (Письменная в. Буйского у.), Усольская—Андреевка тож (Боярская в. Макар. у.), Соль (Пограничная в. Макар. у.), Солоница (Туранская в. Варн. у.), Солониново (Ап-раксинская в. Костр. у.), Солищи (Каргинская в. Макар. у.), Соличное (Скоробогатовская в. Макар. у.). Рассолово (Котельская в. Галичского у.). Село и погост Солониново (Каримовская в. Костр. у.), с. Соличное (Скоробогатовская в. Макар. у.), ж. д. станция Рассолово в Галич. у., усадьба Усолкино (Муравьищинская в. Чухл. у.), лесной кордон Соль-Коретский в Солиг. у.

³⁾ За исключением Солигаличского района, описанию которого предполагается посвятить отдельный очерк.

⁴⁾ Опись документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши, найденным в посаде Б. Соли Костр. у. XVI—XVIII ст. Изд. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком, СПб. 1902 г. Предисловие Н. И. Селифонтова, стр. II. В дальнейшем источник этот обозначаем сокращенно: „Оп. док“.

нается под 1214 годом. Как показывает самое название, возникновение Великой Соли связано с промыслом солеварения или во всяком случае с находкой соли. ¹⁾ Историк посада Б. Соли, В. И. Кошелев связывает возникновение этого селения с колонизаторской волной, шедшей из Киевской Руси в XII в. „Великая Соль—говорит он—возникла, как промысловый поселок. Колонизаторы наткнулись на богатые соляные источники и захотели их использовать“ ²⁾

Вполне определенные известия о солеварении в Б. Солях имеются, только начиная с XV ст. В этом веке у известного Троице-Сергиева м-ря были уже в Б. Солях варницы, на которые вел. князем Иваном Василевичем была дана (в 1462-66 г.г.) монастырю жалованная льготная грамота следующего содержания:

„По оца своего грамотѣ великого княз Василя Василевича, се я... Иван Васильевич пожаловал есми Троецког игумена Васияна Сергиева м-ря з братею или хто по нем ины будет, что их варницы у Соли у Великие да дворъ да деревня Говядовская, и хто оу них имет жити людеи в тои их деревнѣ и в дворѣ соловаров и водоливов, тѣмъ их людем ненадобѣ имѣ ямѣ, оприч Татарсково яму, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни явка, ни вѣсчее, ни иные некоторые им пошлины не надобѣ; а волостели мои *Усокольские* и их тиуни тѣх соловаров монастырских и водоливов и всѣх их людеи ни судет ни в чем, оприч дшогубства, ни кормов своих у них не емлют, ни их тиуни, а праведшики и доводшики поборов своих не берутъ, ни пошлины у них не емлют некоторых, ни площок, ни ошитков, ни явленное им не надобѣ; а вѣдает и судит своих людеи всѣх игумен самѣ или кому прикажет; а случится суд смѣснои волостным людем с монастырскими людами, и волостели мои и их тиуни судят, а игумен или ег прикащик с ними судит, а будет прав или виноват волостнои члвкѣ, и он в правдѣ и ввинѣ волостелю или ег тиуну, а игумен ся не вступает волостново члвка ни вправово, ни в виноватого и ни его прикащики, а будет прав или виноват монастырской члвкѣ, и он и в правдѣ и в винѣ игумену или ег прикащику, а волостели мои и их тиуни в монастырского члвка не вступаются ни вправов, не в виноватог. А кому будет каково дѣло до их прикащика, ино их сужу яз сам княз велики или мои боярин введенои. Также мои кнзи и бояря и воеводы и дети боярские и всякие ездоки и гонци мои в томѣ въ дворѣ в манастырскомѣ и в деревнѣ не ставится ништо, ни кормов, ни подвод, ни проводников не емлют. А чересю мою грамоту хто что возмет или чѣмъ изобидит, быти ему от мене от великог княз в казни“ ³⁾

¹⁾ „Большая Соль или Усольск получила свое наименование от соляных ключей, которые в старину во множестве клубились из недр крутых берегов небольшой реки Солоницы“, и „варницы существовали (здесь) с незапамятных времен до нашествия татар на гор. Кострому“. В. Н(азанский). Краткое описание Больших Солей М. 1857, стр. 4.

²⁾ Василий Кошелев. Из истории посада Больших Солей Костр. губ. Ярославль 1916 г., стр. 11. Наряду с приведенными надо отметить существующее в литературе указание (впрочем, едвали обоснованное), что начало варниц в Б. Солях относится только к XV ст. См. „Свед. о некоторых памятниках старины (обработ. для печати И. К. Херсонским)“, стр. 21, Костр. Старина, сб-к, изд. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком. Вып. I. Кострома 1890 г.

³⁾ Акты относ. до юридич. быта др. России I, стр. 106—107, курсив наш. Редакторы актов ошибочно относят эту грамоту к Солигаличу, между тем она, несомненно, относится к Б. Солям, что доказывают упоминания в грамоте о Соли Великой, деревне Говядовской и волостелях Усольских. Соль Великая—это другое, старинное название Соли Большой. По „Оп. док.“ (стр. 183) в одном из документов 1693 года называется Говядов луг возле водяной мельницы в Б. Солях. В 17 веке (а несомненно и раньше) Соль Б. называли также Усольем. В „Оп. док.“ неоднократно называются: усольский кабак (стр. 139), усольского варнишного соляного промысла человек (стр. 137), усольская конская площадка (стр. 144), усольский земский целовальник (стр. 144), усольская мера четверти (стр. 140) и т. д. Надо указать также, что у Шумакова

Приведенная грамота является подтверждающей грамоты, данной м-рю в. князем Васильем Васильевичем, княжившим, как известно, с 1425 по 1462 г. Отсюда можно заключить, что варницы у Соли Большой Тр.-Серг. м-ря уже существовали в середине, а может-быть, и в первой половине XV в. и что при варницах имелась деревня Говядовская и кроме того еще один двор, в которых жили монастырские солонвары и водоливы.

После 1462 года, как это вытекает из другой грамоты, приведенной выше в примечании, Троицкий м-рь имел у Соли Большой варничное место. В этой же грамоте упоминается уже не деревня, а пустошь Говядовская, причем и варничное место и пустошь были в споре и указанную грамотою присуждены Троицкому м-рю. Возможно, что в этот период монастырское солеварение было нарушено (одна из варниц превратилась в варничное место), а монастырская варничная деревня запустела, превратилась в пустошь). Надо отметить, что в XVI в. у Тр. Серг. м-ря варниц у Соли Большой не было.

Вообще же более полные сведения о Большесольском солеварении имеются только с XVI века.

Селифонтов указывает, ¹⁾ что в 1539 году в Б. Солях, в которых тогда насчитывалось до 400 обывательских домов и 19 храмов, находилось, по р. Солонице, 20 солеваренных заводов. Год этот был для Б. Солей годом разорения. Еще раньше, в 1536 г., Б. Соль подверглась нападению казанских татар. В 1539 г. нападение повторилось. Татары „выжгли 208 домов, а 7 церквей разрушили. Жители разбрелись, а часть поступила в кабальное холопство; наступившие затем голод и язва довершили опустошение города“. ²⁾ Лаговский говорит, что развалины города, заросшие можжевельником, еще видны были в 1598 г., „а луг Клевенский, на котором древне были варницы соляные и на котором по запустении их ставилось сена по 50 копен,—зарос лесом“. ³⁾

В 1598 г. писцы Вельяминов и Усов произвели опись посада Б. Соли. „Опись эта сохранила следы сильного разорения посада, в котором вместо прежних 400 дворов оказалось только 70“. Но все же, несмотря на разорение, „соляных варниц, кроме одной царской, под названием Дорогужа, сохранилось 19“. ⁴⁾

Указывая, что царскую варницу Дорогужу топили и в ней солонварили великосольцы, Лаговский приводит и перечень остальных бывших в Б. Солях 19 варниц. ⁵⁾ Варницы эти носили следующие названия: 1) Шуба, 2) Неволя, 3) Сокол-Кухтин (Кустин), 4) Береза, 5) Новик, 6) Дуда, 7) Воренко

(Грамоты колл. эк., IV) под № 187 описана купчая без даты (после 1462 г.) „Михайловского“ арх та Вениамина (Чудова м-ря) Строеву неизвестного) чернецам Настасу и Демиду на п. *Говядовскую* и на место варничное у Соли *Великой* за 5 р. да пополнка овцу. „А на то послуши: дьякон Дементей *Егорьевской*, да Лука Титов Синнапольской да Ивашко поповичи. А грамоту купчую писалъ Гридя Чмутъ. А запечатал арх. сию грамоту Веньяминъ своим крестом перемонаточным“. Печати нет. На об.: „По сей грамотъ кн. в. Иванъ Васильевичъ Троецьково старьца Ивана Баскакова оправиль, а сотника *Великосольского* Ортемка, да Патрекъйка Лупату, да Ивашку Сусла, да Костку Булгака обиниль и *Говядовскую* землю и мѣсто варничное присудиль м-рю Троецькому. А подписалъ Федоръ дьякъ“. У Мейчика под № 131. Дьякон Дементий Егорьевский—вероятно, дьякон ц. Вел. Георгия, бывшей в Б. Солях в начале XV в., как указывает Лаговский (стр. 170). По указанию того же автора (стр. 171) по писцовым книгам Вельяминова и Усова 1598 г. у Солей Больших была особая Егорьевская сторона, на которой, м. пр., находились амбары для складки соли.

¹⁾ Оп. док., стр. I. ²⁾ Там же, стр. II. ³⁾ Костр. Старина, вып. V. Кострома 1901 г. Описание посада Б. Соли. Исследование свящ. Еягенія Лаговского по рецензии протоиерея М. Диева, написанной в 1847 г., стр. 169. И далее Лаговского мы цитируем по этому источнику, так как самой работы Лаговского («Описание Больших Солей» М. 1860 г.) достать не могли.

⁴⁾ Оп. док., стр. II; см. также Костр. Ст., вып. V, стр. 171. ⁵⁾ Костр. Ст., вып. V, стр. 172.

(Воронко?!—ЕД) у Зманова колодца к Егорьевой стороне, 8) Медведь, 9) Охота, 10) Сокол-Сабуров, 11) Бурко-Тяжелово, 12) Копыл, 13) Орел-Мишаком (Мишакель) (не Мишаков ли?—ЕД), 14) Ватигасадра (Ватигасарда), 15) Сметана, 16) Сутвер (Сутырь), 17) Бурко Дмитров, 18) Ладыга и 19) Бурко-Ляпугин. ¹⁾

Находились эти варницы, как указывает Лаговский, на лугу Клевенском, расположенном, повидимому, на так называемом „Острове“, образуемом в середине посада старым и новым руслами р. Солоницы. По словам Кошелева (стр. 7), на этом острове „и теперь хорошо видны следы старых колодцев, из которых добывался рассол“. Местность „Острова“ изобилует солью. Соляные источники выступают здесь в верхних слоях земли. По свидетельству Лаговского, рассол здесь добывался из весьма неглубоких колодцев: „Грунт земли, где были варницы соляные, около их и даже по току всей реки Солоницы, везде соляной, что доказывается соленою травой, растущей на берегах реки... Чтобы достать рассолу соленого, не требуется большого труда, так что для трубы, извлекающей соляной рассол, едва ли потребуется и 3-х аршин, потому что ключи бьют поверх береговой земли“. ²⁾

В варницах, бывших в посаде в 1598 г., как указывает Лаговский, соловарили посадские люди, которым эти варницы и принадлежали ³⁾. Но были и исключения. В составе владельцев варниц находились также и представители других социальных групп. Напр., в варнице „Новик“ $\frac{1}{4}$ часть принадлежала Борисоглебскому причту—соловарили сами священник Роман и диакон Дмитрий Борисоглебские и 5 посадских. В варнице „Дуда“, где было 5 соловаров, 8-й жребий выделялся священно-церковно-служителям церкви Рождества Христова и один жребий к Борисоглебской,—жертвованные Посником Иваном сыном Митенина на помин своей души. В варнице Сутвер (Сутырь?), где значилось 12 соловаров, восьмая часть принадлежала князю Петру Дееву. Наконец, в варнице Бурко-Ляпугин осьмая выть да полудругонатцатая выть принадлежали Ярославскому Спасскому монастырю: соловаров было 12 чел. посадских и один слуга Спасского монастыря

Мы видим таким образом, что если в большинстве варницы и принадлежали посадскому населению, ⁴⁾ то уже намечается вкрапление в среду владельцев солеварен также представителей других сословий: одна варница была царская, в двух других имели доли священ. и церк. служители, в четвертой—монастырь, в пятой—князь Деев. Указан также один из путей, каким про-

¹⁾ У Кошелева, пользовавшегося брошюрой Лаговского, некоторые из варниц названы иначе, чем в рецензии. Названия эти приведены в скобках. См. стр. 17 работы Кошелева.

²⁾ Е. Лаговский. Описание Б. Солей, стр. 21. Цитируем по Кошелеву, стр. 8. Между прочим Кошелев совершенно правильно замечает (стр. 8), что большая глубина (6—8 саж.) некоторых старых большесольских колодцев недостаточна для опровержения мнения Лаговского о том, что добыча рассола производилась из неглубоких колодцев. «Дело в том, что соляные источники, весьма богатые в древности, к началу XVIII ст. значительно истощились. Вполне естественно, что промышленники, чтобы получить более концентрированный рассол, пробовали углублять колодцы. Эти колодцы, имеющие позднейшее происхождение, и сохранились, сравнительно хорошо, до настоящего времени».

³⁾ У Крживоблоцкого (Матер. для геогр. и ст-ки России, стр. 631) и в „Пам. кн. по Костромской губ. на 1862 г.“ (стр. 291) указывается, что из 19 варниц, бывших в Б. Солях в исходе XVI в., две варницы принадлежали Ярославским монастырям: Спасо-Преображенскому и Толгскому. Спасскому монастырю действительно принадлежали доли ($\frac{1}{8} + \frac{1}{12,5}$) в варнице Бурко-Ляпугин. Что же касается Толгского монастыря, то, как указывает Лаговский, в монастырь этот доставлялось из Б. Солей с варниц 100 пудов соли (см. далее в тексте), но сколько варниц или долей их принадлежало Толгскому монастырю—неизвестно.

⁴⁾ Назанский указывает, что все владельцы варниц были большесольцы (стр. 4).

исходило это вкрапление: путь этот—дача доли, жеребья в церковь „на помин своей души“¹⁾.

Всего на 19 варницах соловарило 213 чел.²⁾. По числу соловаров варницы распределялись так: по 5 чел.—1 варница, по 7 чел.—2, по 9 чел.—2, по 11—4, по 12—4, по 13—3, по 14—2 и 17—1³⁾.

Из той же писцевой книги 1598 г. видно, что у Соли Б. на Егорьевской стороне были особые амбары для складки соли⁴⁾.

Владельцы варниц обязаны были платить пошину в государеву казну. „С сих варниц (с 19 варниц в 1598 г.)—говорит Лаговский (стр. 173)—доставляли во дворец с каждой по 20 пуд. соли и деньгами по 2 руб. 42^{2/10} коп., со всех варниц деньгами пошлыны платилось 47 р. 4 а. 4 д., солью 276 пуд., да 100 пуд. в монастырь г. Ярославля, к пречистой б-це Толгской, не исключая из этой суммы и меры 4 п. соли и 12 алтын, кои во дворец вносились отдельно от посада архимандритом Ярославского Спасского монастыря с осьмого и двенадцатого жеребья“⁵⁾.

В 17 веке соляные промыслы в Б. Солях обнаруживают явный упадок. По сведениям Лаговского (стр. 173), в царствование Алексея Михайловича в Солях были еще 4 богатых варницы⁶⁾. Итак, вместо 20 варниц, бывших в конце XVI в., уже только 4.

Наряду с общим уменьшением числа варниц следует отметить переход оставшихся в руки монастырей и гостей. В 16-м веке соловарили, глав. обр., посадские. В 17 веке картина уже иная. По словам Селифонтова⁷⁾, в 1627 г. две варницы в Б. Солях несомненно принадлежали Троицы-Сергиеву монастырю.

Рядом с монастырями овладевают промыслами гости. Таковы гости Светешниковы и Шорины. Светешниковы упоминаются двое: Семен и Надея. Как видно из подлинной сказки земского старосты Федора Васильева, трех целовальников и 48 посадских людей, составленной в феврале 1659 г.⁸⁾, по писцовым книгам Павла Волынского „с товарищи“ за гостем Семеном Светешниковым значились три варницы: Новик, Притыка, и Третьяк. Упоминается Семен Светешников и в других документах. Так, в челобитной земского старосты 1648 г. определенно указывается, что соль у Соли Б. в это время варил гость Семен Светешников⁹⁾. Из челобитной Великосольских таможенных

1) Отметим кстати, что, по словам Лаговского, в материалах, которыми он пользовался, в отношении варницы Сокол-Сабуров была пометка об ее разорении по именному повелению Ивана Грозного (Костр. Ст. V, стр. 172). Не был ли ее владельцем некто Сабуров и не было ли здесь случая опалы по отношению к представителю старого боярства? Не указывает ли это, что и среди остальных владельцев варниц могли быть посторонние посадскому населению элементы?

2) В другом месте (стр. 173) Лаговский говорит, что пользовались соловареным промыслом 220 посадских людей. Ту же цифру 220 чел. соловаров называет и Назанский (стр. 4).

3) А именно с 5 чел. варница Дула, с 7 чел.—Новик и Лодыга, с 9—Охота и Сокол-Кухтин, с 11—Неволя, Воренко, Бурко-Тяжелово и Бурко-Дмитров, с 12—Орел-Мишаков, Ватигосадра, Сметана и Сутвер, с 13—Шуба, Медведь и Бурко-Ляпугин, с 14—Береза и Сокол-Сабуров и с 17—Копыл.

4) Костр. Стар. V, 172.

5) Кошелев (стр. 36) полагает, что эти данные Лаговского относятся к началу XVI века.

6) См. также: Васьков. Нерехтский у. в 1857 г. (Костр губ. вед. 1872, № 25), Крживоблоцкий, стр. 631 и „Памят. кн.“, стр. 291. По словам Назанского (стр. 4), и эти 4 варницы „со смертью владетелей закрывались одна за другою“.

7) Оп. док., стр. III.

8) Хран. в архиве Костр. Губ. Уч. Арх. Ком. в составе Большесольского фонда. В „Оп. док.“ значится в литере Б, под № 111а на стр. 56. В приложении к настоящему очерку печатается полностью.

9) Оп. док., стр. 118.

целовальников 1648 г. видно; что 1647 г. у гостя Светешников в Б. Солях были варницы, не названо только имя Светешникова ¹⁾.

О Надее Светешникове мы нашли только одно упоминание в неопубликованной части Большесольского архива: в явочном челобитьи Анички Дерябина 31 января 1645 г. упоминаются в Больших Солях соляные варницы гостя Надея Светешникова ²⁾.

Позднее в документах встречаются гости Шорины—Василий, Борис и Михаил.

О солеваренных промыслах Василия Шорина имеются документы: 1652, 1657, 1661, 1665, 1666 и 1669 г. г. Так, 29 июля 1652 г. приказчикам гостя, соляного промышленника Василия Григорьевича Шорина—Алешке Якимову и Мишке Иванову были привезены от Шорина 500 руб. на нужды соляного промысла—их ограбили ³⁾. В 1657 г. по „досмотру“, произведенному 21 ноября стряпчим Грязновым, во владении Василия Шорина были соляные варницы: Сокол и Бурка, находившиеся на острове р. Солоницы: „в обеих варницах соль варят гостя Василья Шорина прикащик ево Ивашко Иванов... Большого колодезя нет, только старец Иоиль указал мѣсто, где тот колодезь был“ ⁴⁾. Из челобитной 24 янв. 1665 г. видно, что в Б. Солях жили в господских хоромах люди гостя Вас. Шорина—Климка Ильин и Мишка Иванов, а из другой челобитной (11 февр. 1665 г.)—что названный Климко жил здесь „ради хозяйского промысла“ ⁵⁾, очевидно, для солеварения.

О варницах гостя Бориса Шорина упоминается в сказке земского старосты от февраля 1659 г. По этой сказке у Бориса Шорина были всего 5 варниц—из них две: Сокол и Бурко—значатся новоприбылыми; помимо этих двух варниц за ним состояли варницы Новик, Притыка и Третьяк, бывшие по писцовым книгам Павла Волынского за гостем Семеном Светешниковым ⁶⁾.

Мы видим таким образом, что в 1659 г., Борис Шорин владел между прочим, теми варницами, которые в 1657 г. принадлежали Василию Шорину. Видимо, переход этот был временным в 60-х гг. 17 ст. упоминаются соляные промыслы Василия Шорина, а о Борисе больше упоминаний не находим.

О третьем Шорине—Михаиле—говорится в списке жалованной грамоты царей Иоанна и Петра. „По этой грамоте дворцовая вотчина Костр. уезда Б. Соли были передана Успенскому Горицкому Переяславскому монастырю, которому и предоставлено (было) иметь оброчные деньги с соляных заводов с гостя Михаила Шорина или кто на тех соляных заводах впредь станет

¹⁾ Оп. док., стр. 119. Есть и другие материалы, относящиеся к Семену Светешникову. Напр., 8 дек. 1649 г. на него была подана явочная челобитная от человека дьяка Анички Чистого Васьки Анкиндинова на неплатеж по 2 записям 400 р., „платеж был назначен на Николин день осенний, и при том солью, но должное не дал ни соли, ни денег“. (Оп. док., стр. 122). Упоминается Семен Светешников также в 1650 г. (Там же, стр. 122—123). Семен Светешников, м. пр., был одним из сильных людей—солепромышленников Соли Камской (Рус. Ист. под ред. Довнар-Запольского, стр. 107).

²⁾ Очевидно, это тот самый Надея Светешников, который в 1633 г. вместе со стольником Стрешневым был послан в Великую Пермь для сыска руды, а в 1635 г. послан с Москвы к Соли Камской для государева рудознатцкого дела вместе с подьячим Кириловым и рудознатцем немчином Аристом Петцольд (Вл. Трапезников. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения XV—XVIII вв., стр. 93—94). Крупный солепромышленник, Надея, по словам П. П. Смирнова, „делал обороты и с хлебом, готовил на государя медь и т. п.“ (Рус. Ист. под ред. Довнар-Зап. III, стр. 106).

³⁾ Оп. док., стр. 130.

⁴⁾ Цитирую подлинный документ; в Оп. док. он значится на стр. 55. М. пр., в подлиннике варница назыв. Бурко, а не Сурко, как она названа в Описи. Вообще описи не всегда исправны.

⁵⁾ Оп. док., стр. 140.

⁶⁾ Цитир. подлинный документ. По Оп. док. он значится на стр. 56.

соль варить“¹⁾ Из этой грамоты видно, что в 1693 г. в Б. Солях на острове р. Солоницы действительно были соляные заводы Мих. Шорина и с них получался оброк²⁾. Из той же грамоты следует, что по приходным книгам 1693 г. посадские люди Соли Большой платили в государеву казну Большого дворца... с соляных заводов гостя Михаила Шорина, которые на острове р. Солоницы, оброку по 16 рублей, по 21 алтыну, по 4 деньги на год, а имать (было велено) тѣх оброчные деньги у него, Михайла, в то время, с которого году у него на тѣх заводах соли будет в варенье“³⁾.

Нелишне будет привести описание дома и служб содержателя варниц— Шорина, находящееся у Лаговского (стр. 181): дом „был выстроен на острове, в нем две горницы на подклетьях, промеж ими сени с чердаком, крыльцо выставлено на два схода; позади хором конюшня с сараями и мыльня, два погреба, у ворот другая конюшня; позади двора кузница с угольником; вокруг его амбары соляные с верхним жильем, в коем хранились всякие снасти, против амбаров житница“.

Шорины, так же как и Светешниковы, были крупными предпринимателями, имевшими разного рода промышленные дела и в других, помимо Б. Солей, городах⁴⁾. В частности у одного из Шориных, у Василия, имелась в Москве кузница, на которой предполагалось выделывать для Б. Солей 3000 церковных полиц⁵⁾. У него же на Соли Камской в половине 17-го века были 4 варницы с 7 трубами, 5 дворов на посаде и собственная пристань на Каме⁶⁾.

Называя имена гостей Светешниковых и Шориных, следует указать, что в связи с Б. Солями в документах есть упоминание и об известных Строгановых. В 1583 г. Иван Грозный пожаловал Семену Строганову⁷⁾ после удачного похода Ермака в Сибирь города Б. и М. Соль. „І г-рь ц. і в. к. Иван Васильевичь всеа Русіи за ихъ (Строгановых) службу и радѣнье пожаловалъ города Солью Большою, еже есть на Волге, и Солью Малою, і грамоту свою царскую на тѣх мѣста Семену Строганову пожаловалъ за красною печатью за приписью дьяка Андрѣя Щолкалова, почему ему тѣми городами владѣти“⁸⁾.

1) Оп. док., стр. 182.

2) Там же, стр. 155.

3) Там же стр. 182.

4) Особенно известен из Шориных Василий, дом которого в Москве был в июле 1662 года разграблен народом, во время народного возмущения, вспыхнувшего на почве растущей дороговизны предметов первой необходимости (хлеба) в связи с усиленным выпуском, а также фальсификацией медных монет. „Сильные люди (называли тестя царя боярина Милославского, дворянина Матюшкина, за которым была родная тетка царя, гостя Василия Шорина и др.) переделывали в монету собственную медь, воровали и т. п.“ См. Рус. Ист. под ред. Д. Зап. III, стр. 406.

5) См. челобитную балахонца Анашки Безносова на прикащика Вас. Григ. Шорина—на Андрея Сесвяцкого и на человека последнего Усольского варнишного соляного промысла Михаила Чермного от 1664 г. Челобитчик в 1663 г. порядился у Шорина выделывать в Москве на его, Шорина, кузнице из его, Шорина, железа и углей и при помощи его, Шорина, работников 3000 церковных полиц для посада Б. Соли, но те ему не дали ни рабочих, ни угля, отчего он „по записи своей не устоял, т.-е. не выставил 3 тыс. полиц“, но так как в этой записи было „оговорено, что пока он подряда не исполнит, он не может заниматься иным кузнечным делом—он, челобитчик, не смеет отойти прочь“ (Оп. док. 138).

6) Рус. Ист. под. ред. Д. Зап. III, стр. 107. На владение гостем В. И. Шориным дворами в Соликамске указывает и М. Богословский. Земское самоуправление на Русском севере в XVII в. т. I, стр. 108.

7) По другим указаниям Самсону (Пам. кн. Костр. губ. на 1862 г.), а также Семену Аникиевичу Строганову. (Лаговский, стр. 170).

8) Сибирские летописи Изд. Археогр. Ком., стр. 29—30. См. также Карамзина т. IX стр. 235. Примеч. 704. изд. 5-е.

В. И. Кошелев, считая факт пожалования Б. и М. Солей Строганову несомненным, тем не менее думает, что „Строгановы не владели Б. Солями“, так как „никаких абсолютно упоминаний о Строгановых в Большесольских актах не имеется“. „Строгановы—добавляет он—вероятно, не владели потому, что промыслы болшесольские к тому времени были незначительны, а это промышленники крупные, кроме того их интересы в это время были устремлены за Каменный пояс, на вновь завоеванное Сибирское царство. Строгановым было недо Больших Солей Акты, повидимому, подтверждают нашу мысль. В документах этого времени, с 80-х—90-х гг. XVI в., мы по прежнему встречали стереотипную фразу: „земля ц. и г-ря в князя“. В 1598 г. из описи Вельяминова мы прямо видим, что Соли ведаются приказом Большого Дворца“¹⁾

Действительно, как это отмечал еще Н. И. Селифонтов (Оп. док. II), в 1598 г. Б. Соль „вновь ведается приказом Большого Дворца, а затем Костромской четью, так что владение Строгановых продолжалось не более 15 лет“. Однако аргументация В. И. Кошелева едва ли может признана правильной. Из того, что в опубликованной части архива Б. Солей никаких абсолютно упоминаний о Строгановых не имеется, еще не следует, что таких упоминаний вообще в большесольских актах нет: опубликованные акты, которыми и пользовался только В. И. Кошелев, составляют лишь часть архивного фонда по Б. Солям; не исключена возможность нахождения документов с именем Строгановых в не вполне еще разобранный части названного фонда. Это, во первых, затем едва ли правильна самая ссылка на незначительность соляных промыслов в Б. Солях в конце XVI в., как на причину, почему Строганов не осуществил своего владения. Для того времени Большесольское солеварение (в 1598 г. насчитывалось 20 варниц) не так уже было мало, чтобы не заинтересоваться им. Участие в Большесольских промыслах в 17 веке таких крупных солепромышленников, как гости Шорины и Светешниковы, или таких крупнейших хозяйственных организаций как Тр.-Серг. м-рь доказывает вовсе не незначительность, но, наоборот, вероятно, значительность для того времени большесольских промыслов. И, вероятно, пожалование Строганову именно Б. и М. Солей явилось не случайным делом, а было подсказано, быть-может, самими Строгановыми (что они умели делать с большим искусством), желавшими прибратъ к рукам наряду с сольвычегодским солеварением также и большесольское.

Работа на варницах гостей велась с помощью крепостных людей, а также с наемными рабочими. И те и другие одинаково упоминаются в документах. О положении этих рабочих, к сожалению, данных не имеется²⁾.

¹⁾ Кошелев, стр. 27—28.

²⁾ Повидимому, побеги рабочих с варниц были нередки. В явочной 1 февраля 1669 г. прикащик Вас. Шорина бил челом о том, что крепостной человек его госпрдина сбежал с соляного промысла в Б. Солях (Оп. док., 16). В мае 1665 г. крепостной человек Васьки Шорина—Пашка Иевлев бежал, покрав, подлома приволошек, денег и платья на 200 р (Там же, 141). Из допроса стряпчим Грязновым пойманного работника Ивашки от 4 дек. 1659 г. видно, что Ивашка из Ярославской Толчиковской слободы жил у весьма многих хозяев в работниках по найму; последний его хозяин был гость Вас. Шорин (стр. 57). Из явочной Семена Светешникова 17 марта 1650 г. видно, что нижегородский посадский человек Илья Игнатов с пасынком были поряжены челобитчиком 3 сент. 1649 г. в дворники, а 20 февр. 1650 г. сбежали, покрав имущество (стр. 123). 19 янв. 1653 г. великосолец посадский человек Вас. Митрофанов подговорил работника Шорина—Ваську Федорова, прозвищем Москва—оставить своего господина и увел его, неведомо куда. Васька похитил при этом кой-какое имущество: кашунку овечью, шапку, рукавицы, сапоги и белые суконные штаны, всего ценою на 3 р., да забрал вперед пожилых денег 6 р. (стр. 131). Из челобитья 24 янв. 1665 г. людей гостя Вас. Шорина—Климки Ильина и Мишки Иванова видно, что у Климки вверху, в господских хоромах, жил дворовый человек Ивашко Дмитриев по прозвищу Волчонок—обокрал его и бежал 22 янв. (стр. 140).—11 февр. 1665 г. человек Вас. Шо-

Вываренная соль в 17 веке (1648 г.) облагалась большою соляною пошлиною по 2 гривны с пуда, которая непосредственно вносилась в Приказ Большого Дворца (с варниц гостя Светешникова), минуя великосольских таможенных целовальников¹⁾.

О технике солеварения в 16—17 в. в Б. Солях, к сожалению, имеются лишь очень скудные сведения. Как уже упоминалось, в 1657 г., в Б. Солях стряпчий Грязнов произвел „досмотр“ соляных варниц Сокол и Бурко, принадлежавших гостю Василию Шорину. Из этого досмотра видно, что каждая варница представляла собою четырехстенное квадратное здание, по 8 саж. в каждой стороне, крытое лраницами. В каждой варнице имелось по железному цирену в 3¹/₂ саж. длины и 2¹/₂ саж. ширины и по 10 соляных 6-ти саженой слишком длины колод, назначавшихся, очевидно, под рассол.²⁾ Добывался рассол из колодцев, и уже позднее были заведены трубы. Применялось при солеварении и некоторое разделение труда: помимо соловаров были Osborne водолитвы.

Ведение солеварного дела требовало значительных капиталов. Выше мы видели, что в 1598 г. на 19 варницах работало 220 чел. или по 12 чел. в среднем на варнице. Содержание такого количества рабочих, даже если они были не наемными, а крепостными, требовало значительных средств. О размерах потребного на это капитала лишь отчасти, разумеется, можно судить по тому, что на нужды соляного промысла от гостя Василия Шорина были привезены (29 июля 1652) прикащиками (Алексеем Ивановым Якимовым и Мишкой Ивановым) 500 р.³⁾.

Мы уже отмечали захирение соляного промысла в течение 17 века. Понемногу варницы начинают пустовать, а то и вовсе разваливаться. В 1659 г. у гостя Бориса Шорина по сказке земского старосты, как мы видели, значилось 5 варниц, но, как указано в сказке, „больши трех варниц у него гостя Бориса Шорина не тапливали, а две варницы пусты и развалились“⁴⁾.

В 80-х г.г. 17 ст. соляной промысел был уже в полном упадке, как это видно из отрывка царской грамоты, в которой говорится, что посадские люди „наперед сего кормились работою у соляного промыслу, а ныне де тот промысел впусте и ныне де многие кормятца в мире Христовым имянем“⁵⁾

рина упоминавшийся выше Климка Ильин подал челобитную на Большесольских посадских Федора Бубнова и Федора Клестова, которые похваляются на него смертным убийством. Похвальба была 10 февр. Челобитчик опасения свои подкрепляет тем, что ради хозяйского промысла, для долгов, ему приходится ходить поздно и рано“ (Оп. док., 140) Не возникали ли подобные недоразумения на почве наемных отношений? Ведь Климко был прикащиком Шорина.

1) Также и с соли приезжих прасолов (солигаличских и готемских) соляная пошлина бралась непосредственно в Приказе Большого Дворца (Оп. док. 119),

2) См. приложение 1-е к настоящему очерку.

3) Кстати, эти деньги были ограблены великосольским посадским Юрием Григорьевым Исаковым, который, подкараулив прикащиков вечером в Б. Солях против своего двора, „напал на них со многими людьми,—их бил и грабил“, причем помимо 500 р. у них были отобраны две лошади с седлами и уздами: „один конь серый литовский, цена 35 р., другой игрень, цена 26 р., два седла сафьяновые с потниками, цена 3¹/₂ р. две узды, цена 30 алт. 2 ден., 2 плети цена 2 гривны. шапку суконную малиновую с пухом неношенную, цена 1 руб., а всего на 566 р. 3 алт. 2 ден.“ (Оп. док., 130).

4) Цитир. подлинный документ. Документ этот печатается в приложении.

5) Цитир. подлинный документ. Датируется он 1682—1683 (7191) г. В Оп. док. значится в литере Б. под № 159, и здесь содержание этого весьма интересного отрывка изложено глухо и бледно: „Речь идет об отяготительности для посадских людей посада Большие Соли казенных денежных сборов и вместе с тем об упадке их заработков, преимущественно по соляному промыслу“. Сравн. этот док. с № 163 той же литеры. В подлиннике этого документа приведенная в тексте жалоба на упадок солеварного промысла повторена почти буквально.—Об упадке солеварения говорится в „Списке со

С именем Михаила Шорина связывают представление как о последнем солезаводчике в Б. Солях. Лаговский говорит (стр. 173), что при приемниках Алексея Михайловича „запустел один завод и осталось три. При Петре I одна варница была предметом промышленности, и то не ежегодно открывался в колодце соляной россол. В 1699 г. умер гость Михайло Шорин, содержатель варницы, и им кончилось солеварение, как это видно из тутошних актов того года. Прикащик Шорина Илья Фодоров Казаков, управлявший заводом, оставил оный, купил у Солей земли и приписался к посаду“¹⁾

Некоторые сведения о последующей судьбе Большесольского солеварения дает черновое донесение земского старосты посада Б. Соли архимандриту Горицкого м-ря от 14 февр. 1721 г., из которой видно, что „в посаде у Московского гостя Вас. Григ. Шорина был остров на речке Солонице, на котором исстари соляной промысел (лари и трубы лежали), но завод не действовал много лет, пока в 1720 г. не было разрешено Большесольскому жильцу Ив Григ. Исакову возобновить означенный промысел на том острове, которым и владеет он, Исаков, и об открытии промысла будет особо просить“²⁾. Но было ли в действительности возобновлено солеварение—сведений у нас нет. Повидимому, нет, так как в одном документе 1764 г. о соляных заводах гостя Мих. Шорина на острове р. Солоницы сказано, что „с них в Горицкий м-рь оброку брать велѣно, когда варение соли производится будет, по 16 р. 65 коп. на год, ныне же оных заводов в наличествѣ нѣт и с которого года запустѣли, в правлении домовотчинном неизвестно.“³⁾

Итак, в конце 17 в. Большесольское солеварение прикончилось. Чем это было вызвано?

Лаговский приписывает падение солеварения еще нашествию казанских татар в 16 веке: в 1539 г. „с разорением города и варниц солевары лишились и куса хлеба, и, не имея средств к пропитанию, промышленники, уцелевшие от меча татарского, оставили свою отчизну и с глубочайшею скорбью ушли искать

справки за пометою дьяка Григория Посникова и справкою подьячего Афанасия Кувшина—около июня 1693 г. „На острове реки Солоницы—читаем в этом „Списке“—соляные заводы гостя Михаила Шорина стоят впусе, а оброку прежнего платил в приказ Большого дворца по 16 р. по 21 а. по 4 д. на год и во 195 году по указу вел. г-ря с тѣх ево заводов оброчных денег имать не велено, покамѣсть как он, Михайло, тѣх варниц в соляных трубах росолу доищется и промышлять станет и ему известить в приказе Большого Дворца и оброк платить по прежнему, почему платил наперед сего“. Далее в документе рассказывается, что 3 июня 1693 г. по указу вел. г-ря посад Б. Соли был передан Горицкому-Переславльскому монастырю взамен взятого у него села Веськова.... „а что к тому посаду Соли Большой на острове реки Солоницы пустые заводы гостя Михаила Шорина и с тѣх соляных заводов, как он, гость, в том месте или кто иной ныне соль будет варить или варить впредь будет учнет и ему с тѣх соляных заводов оброчные деньги платить в Горицкий же м-рь по 16 р. по 21 а. по 4 д. на год, а большого оброку не прибавливать, а будет на тѣх варницах варить не будет, и того оброку на нем, Михайле, в м-рь не спрашивать и та соль в тот м-рь отказана“. Цитир. подлин. док., в Оп. док. он значится на стр. 65.

¹⁾ В другом месте (стр. 181) Лаговский говорит, что московский житель Илья Казаков, живший перед тем на заводе у Шорина, записался с поручительством в Усольское (Большесольское) общество с 1682 г. О том же, т.-е. что со смертью Мих. Шорина прекратилось Б. Сольское солеварение говорят также: Крживоблоцкий (стр. 631), Пам. кн. (стр. 291), Васьков (1872 г. № 25). Однако П. И. Андронников в своих „Замечаниях на материалы для геогр. и ст-ки России, собр. офиц. ген. штаба. Костр. губ. Составил Я. Крживоблоцкий“ (Костр. губ. Вед. 1862 г. № 33—это очень ядовитая статья с суровым эпиграфом: „не все то золото, что блестит“) утверждал, не приводя впрочем оснований, что „последняя Большесольская варница, принадлежавшая Михаилу Шорину, закрыта не в 1699 г. а спустя целое столетие, именно в 1799 г.“.

²⁾ Оп. док. № 77.

³⁾ М. Смирнов. Костромские вотчины Переславского Горицкого м-ря. Труды Костр. Научн. Об-ва, вып. VII, стр. 44.

счастья в чужих краях; а оставшиеся в посаде по разорении варниц, не зная других ремесл, кроме солеварения, пришли в крайнюю бедность и кормились именем Христовым¹⁾

Диев, в рецензии на статью Лаговского (стр. 173), мнение это опровергает, указывая, что „татары зорили здешнюю сторону слишком за 50 лет до переписи Вельяминова и Усова“, после которой варницы существовали, „а гораздо вероятнее, что многие варницы не возобновлялись после самозванцев, как это было с варницами Нерехты, находящейся от Б. Солей на полдень близь той же реки Солоницы в 25 верстах“.

Несомненно, смута потрясла, Большесольское солеварение, как и все вообще хозяйство Московского государства, но едва ли в ней надо видеть основную причину, приведшую соляной промысел к смерти. Не надо забывать более глубоких причин. Такими могли быть: растущее обезлесение края и, как последствие этого, недостаток и вздорожание древесного топлива, и, с другой стороны, иссякновение в источниках крепких растворов.²⁾

Недостаток и трудности добывания топлива давали себя знать еще в середине 17 в. В этом отношении любопытна челобитная земского старосты посада Б. Соли 1648 г., обвиняющего откупщика Путилу Сорокина в даче ложного показания: „откупщик Путила в своем челобитие ложно сказал, что у нас у Соли Большие солонваров посадских людей много. А у нас у Соли Большие солонваров посадских людей нет ни единого человека, а один у нас солонварит твой государев гость Семен Светешников и у него росоленко худо, не как Балахонское, а дрова он покупает от Соли Большие верст за 200 и большими и с тех варничных дров платит по городам мыты в 4 местах“³⁾.

Таким образом, уже тогда, в середине 17 в., приходилось для промысла добывать дрова в далеких расстояниях от посада. Не всегда это удавалось, иной раз промысел останавливался за отсутствием дров. В 1666 году, напр., Василий Шорин соли не варил. Челобитная Большесольского таможенного головы Ивана Клестова с товарищами от 21 февр. 1666 г. указывает, что таможенного сбора в этом году собрать не с чего. Причинами этого, между прочим, являются: 1) прекращение варки соли гостем Василием Шориным *за неимением дров* и 2) ничтожность продажи соли⁴⁾. Правда, это прекращение солеварения Вас. Шориным было временным (в явочной челобитной 1 февр.

¹⁾ Цитир. по Кошелеву, стр. 17.

²⁾ В. И. Кошелев также не разделяет взгляда Лаговского на значение нашествия казанских татар. То, что он говорит по этому поводу, вполне применимо и к потрясениям смутного времени: „Он (Лаговский) вообще слишком преувеличивает значение татарского набега. У нас является вопрос: почему бы не возобновить соляных варниц? Хотя это было нелегко, но нелегко и питаться именем Христовым в разоренном краю. Вряд ли татары занимались засыпанием колодцев и труб, в которых находился рассол. Может быть, приспособления они сожгли и разрушили, но думаем, что эти приспособления на рубеже XV—XVI вв. были примитивны и восстановить их было не так трудно. Не лучше ли допустить, что причин для прекращения промысла было несколько, и они гораздо глубже, чем думает Лаговский... Промысел умирал медленно, а не вследствие какой-либо катастрофы“ (стр. 18.)

³⁾ Оп. док. 118, цитир. подл. документ: Поводом к приведенной жалобе послужило то, что с 1 марта 1648 г. „таможенный сбор по посаду Б. Соли (был) сдан в откуп из наддачи откупщику гостиной сотни торговому человеку Путиле Сорокину с выдачею ему уставной таможенной грамоты, основанной на Балахонских таможенных книгах“ (Оп. док. 118). Жалобщики, указывая, что у них только один солонвар с плохим против Балахонского рассолишком (Оп. док. 7) и что грамота, данная Сорокину, им разорительна (Оп. док. 118), домогались отмены этой грамоты и возвращения к сбору таможен. пошлин по старой грамоте царей Ив. Вас., Фед. Ив. и Мих. Фед., угрожая, что в противном случае они от непосильной тяготы разбредутся (Оп. док. 7).

⁴⁾ Оп. док. 11.

1669 г. вновь говорится о соляном промысле Вас. Шорина в Б. Солях ¹⁾, тем не менее эта ссылка на неимение дров чрезвычайно характерна ²⁾.

Другая вероятная причина захирения промысла кроется в слабости соляных рассолов. Мы уже приводили свидетельство земского старосты 1648 г., что у Светешникова „росоленко худо, не как Балахонское“. Свидетельство это надо сопоставить с тем устанавливаемым Большесольскими материалами фактом, что в более ранние времена рассолы добывались из колодцев, т. е. были поверхностного происхождения, а уже позднее упоминаются трубы, при помощи которых хотели дойти до более глубоких концентрированных растворов.

При недостатке, а, стало быть, и дороговизне дров, при слабости растворов промысел становился невыгодным, должен был падать, ибо выгоднее было покупать привозную соль из других солеварных районов, где условия добычи ее складывались благоприятнее, чем выварка ее на месте.

Так оно и было в действительности. Еще при существовании варниц в Б. Солях производилась торговля солью привозною. Из челобитной Велюкосольских целовальников 1648 г. видно, что „в 1647 г. в Б. Соли приезжали солгаличские и тотемские просолы и торговали солью“ ³⁾. Позднее здесь появляется привозная соль и из других районов. Лаговский говорит, что по прекращении местного солеварения „к Солям была привозима соль *Балахонская* ⁴⁾ и *Елтонская*“, которая „здесь продавалась и отпускалась в рыбные места“ (стр. 174 я). Селифонтов, указывая (стр. III), что со смертью Мих. Шорина в 1699 г. солеварение совершенно прекратилось, вместе с тем подчеркивает, что „торговля привозною солью Балахонскою и Елтонскою продолжалась и составляла прибыльный промысел для Большесольцев, пока торговля и развозка соли не стала сдаваться казною частным лицам на праве откупа“ ⁵⁾.

Конкуренция более сильных соседних варничных районов (Солигаличский, Тотемский, Балахонский), а также, возможно, и самосадочной соли (Эльтон)—

¹⁾ Там же, 16.

²⁾ И. И. Кошелев (стр. 19—20) правильно указывает, что в отношении дровяного топлива „промысел, до известной степени, подрывал сам себя. Отсутствие дров безусловно явилось следствием развившейся промышленности“—и рано или поздно, за истреблением местного топлива и вследствие вздорожания привозных дров солеварение должно было пойти на ущерб.

³⁾ Там же 119. В настоящем очерке мы совершенно не касаемся торговли солью. Для описания ее имеется некоторый материал как в „Оп. док“, так и в рецензии Диева, напр. на стр. 174, и у Кошелева стр. (23—24), но это уже особая тема.

⁴⁾ По указу 1723 г. было велено, как указывает Лаговский (стр. VI, примеч. 28. Цитир. по Кошелеву, стр. 23), отпустить из Балахны в Б. Соль для продажи 4000 п. соли. Вероятно, попадала сюда же и Пермская соль, поступавшая, м. пр., в соседний район (Шую), куда по 21-ой накладной с 18 янв. по 8 февр. 1791 г. было отправлено неким Иваном Филиповым на имя приказчика Данилы Федорова Воронина 20750 пудов 16 ф. Пермской кулевой соли в 1746 кулях на 906 подводах (Оп. док., 88).

⁵⁾ Особенно важное значение имели конкуренция со стороны соляной промышленности самосадочных районов. „В конце XVII в.—говорит Кошелев (стр. 20)—появляются причины, подрывающие промысел и не местного характера... В XVII в. начинает разрабатываться самосадочная соль. Добыча соли русскими на Эльтоне, напр., производилась еще в 1655 г., а с 1747 г. перешла в ведение казны. За 150 лет вывезено из этого озера до 500 милл. пуд. соли, но и то в прошлом (19-м) веке Эльтон не мог уже конкурировать с другими более выгодно поставленными источниками, и доставка (оттуда) соли в настоящее время совершенно прекратилась“.—В XVIII в. Костр. край вообще обеспечивался уже привозной (Эльтонской) солью. На 1761 год, напр., указом Главной соляной конторы было определено поставить Эльтонской соли из низовых магазинов следующее количество: в Кострому 150000 пудов, Юрьевец—Поволжский 50000, Кинешму и Галич по 40000, посад Плесо 30000, Лух 20000, Соль Галицкую, Унжу и села Унженского у. Никольское и Воскресенское по 15000, итого 390000 пудов.

такова третья вероятная причина захирения некогда, видимо, цветущего Большесольского солеварения.

II. Солеварение у Соли Малой.

Наряду с Б Солью солеварение в прежние времена существовало также и пососедству на той же р. Солонице—в Соли Малой, находящейся в 3 в. от Соли Большой.

Когда здесь возникло солеварение, мы не знаем. Наиболее ранние известные нам сведения относятся ко второй половине XVI в. В это время в Соли Малой солеварение несомненно производилось, так как источникам называют варницы (Ватагу, Волокиту), находившиеся в частных руках, а затем переданные Троицы-Сергиеву м-рю.

Относящиеся сюда данные приводятся С. Шумаковым. Первый из документов—челобитная 7075 г. (1566 или 1567 гг.) „Анны Анфимовой дочери Дылева Бахтеяровой матери и Бахтеяровых родимцев Андрея Митрофанова Лихорева, Ширяя и Юды Ивановых Башмаковых, Василия Федорова Овдокимова и чернеца Герасимишки Дылева и братишков Бахтеяровых Иньки, Истомки и Семейки Корсаковых арх. Кириллу о даче монастырю Бахтеяровой варницы Ватаги у Соли у Малые *новой*¹⁾ (со льготой на 4 года; затем оброк по 3 р. с варницы и за пудовую пошлину), амбара соляного (а в нем 23 венца до куриц), двора на посаде (тяглою) и пожни Захватава (сена 100 к.)“²⁾.

Из приведенного акта следует, что в М. Солях также, как и в других солеварных районах варницы находились в так назыв. *складническом* или *слабином* владении.

Другой акт, приводимый Шумаковым,—данная 7089 (1581) г. 19 июня тому же Троицы—Сергиеву монастырю „Семеновой дочери Загорского Ортемьевой жены Овдокимова сына Хандрикова с сыновьями на двор Ортемьев у Соли Малой с хоромами, дворец конюшенной, варницу Волокиту и пожни на р. Солонице“³⁾,

Следовательно, во второй половине XVI в. в М. Солях к Тр. Сергиеву м-рю перешли две варницы.

Имеется некоторый материал и по отношению к XVII в. Так, есть упоминание о варнишных местах в М. Солях в 1651 г. Упоминание это весьма любопытно, потому что оно указывает, что еще в XVII топливо для соляного промысла малосольцам приходилось добывать издалека—содержится оно в документах Большесольского архива⁴⁾. Документ этот—явочная челобитная человека дьяка приказа Большого Дворца Давыда Корниловича Дерябина—Куземки Петрова и Ярославца посадского человека Федьки Неждановского на людей Владимира Иванова Зюзина и вдовы Анны Григорьевны Плещеевой, разбивших их дровяные плоты. Челобитчикам были даны у Соли Малой варнишные места, и к тем варницам они гоняли дрова в плотях

1) Курсив наш—Е. Д. Прибавка „новой“, очевидно, обозначает, что варница Ватага была новой, т. е. недавно поставленной.

2) Обзор грамот коллегии экономии, вып. IV, стр. 58. № 67. Акт писал Бахтеяров родимец дьяк земской Семейка Федоров Корсаков. Послухов нет. На обороте подписи Герасима (за себя, сестру Анну и племянника Иньку), Юды и отца духовного Успенского попа Ивана. Шумаков устанавливает (стр. 58), что эта же челобитная существует в форме данной 7075 г. Тр. Сергиеву м—рю, с выходом из нее вкладчиков Иньки, Семейки и Истомки, с очисткою и с послухами Уланом, Петровым и Васильем Абросимовым Миляковым. Шумаков отмечает, что отец Бахтеяра Андрея—Иван Федотов Шарапов.

3) А на то послуши: Игнатей Григорьев сын Олфимов да Прокофей Григорьев сын Мерлин да Русин Иванов сын Чашников. А данную писал Ржевской сотни земской дьячек Матвѣец Григорьев сын Кожухов“. Обзор, IV, стр. 64. № 98.

4) Оп. док., стр. 127. Лит. В. № 138. Полностью этот документ печатается в приложении.

из рек Шексны и Мологи по Волге и Солонице. Во время одной из таких гонок плоты и были разбиты крестьянами названных выше владельцев.

Помимо дьяка Дерябина и ярославца посадского человека Неждановского в числе Малосольских солезаводчиков упоминается в документах также волженин Яков Галкин ¹⁾ поставлявший соль в царские дворцы, а также продававший ее на сторону

Наряду с монастырскими и частными варницами в М. Солях во второй половине 17 в. существовали также и царские варницы, на расходы по содержанию которых шли оброчные деньги, взимавшиеся с посада Б. Соли ²⁾.

Таковы в общем скудные материалы о Малосольском солеварении в XVI и XVII вв. В XVI в. мы находим здесь сябринные и монастырские варницы, в XVII—варницы царские и частных лиц, в т. ч. и сторонних людей: Ярославского посадского Федьки Неждановского и вологженина Якова Галкина.

В XVIII в. солеварение в М. Солях, видимо, уже не производилось. Так можно думать, опираясь на один документ, найденный нами в Хвостовском вотчинном архиве второй половины XVIII в. ³⁾. В документе этом говорится:

¹⁾ В „Оп. док.“ (стр. 147) приводится содержание „Списка с отписи дьяка приказа Большого Дворца Семена Комсина“, датированный 1679 (7187), после 14 февр. У Малосольского соляного промышленника волженина Якова Галкина с 18 янв. по 14 февр. 1679 г. было принято в четыре приема на кормовой и хлебный царские дворцы 4 тыс. пудов соли, за которую причиталось с провозом получить 560 р. (с пуда по 4 а. по 2 д.) „Деньги эти были зачтены в уплату в приказ Большого Дворца оброчных денег по окладу 1678 г. с посадских людей посадов Б. и М. Соли; остаточные из следовавших за соль денег, и также образовавшийся такой же излишек по предшествовавшему году за учетом 50 р. 28 а. 4 д., следовавших с Галкина за продажу на стороне соли—соляных пошлин, все это было зачтено в платеж оброчных денег и по окладу 1679 г. в окончательном же расчете образовался излишек переплаты Галкиным 11 р. 17 а. 1/2 д. и эту самую сумму отпись предоставляет Галкину получить с Большесольских и Малосольских людей“.—В „Оп. док.“ приведен (стр. 147—148) еще один документ, упоминающий Галкина: отпись 22 февр. 1680 г. промышленника соляного варничного промысла в М. Соли Якова Галактионовича Галкина, „о том, что принятые им у старосты пос. Б. Соли Игнатия Дорофеевича Тюрина с великосольцев оброчные деньги и всякие платежи на 187 год кроме сбора за стрелецкий хлеб, всего в количестве 59 р. 25 а. 4 д., он, Галкин, внес в приказ Большого дворца частью солью, а частью деньгами. Отпись эта подписана прасолом Яковом Галакт. Галкиным. В ней, в конце, Галкин говорит, что он снабдил зем. старосту Тюрина списком с подлинной платежной отписи, выданной ему в приказе Большого Дворца“. Следов. Галкин—малосольский солезаводчик—вносил за посадских разные платежи. Характерно название его прасолом. Не был ли он—на манер гостей гостинной и суконной сотен—обязан государевой службой?

²⁾ Указание на царские варницы встречается в относящемся к 1676 г. „Списке с отписи воеводы Семена Готовцова о принятии им в казну с посада Б. Соли оброчных денег на 184 год 25 р. 3 а. 2 1/2 д.“, где говорится, что „деньги приняты по царскому указу по грамоте из приказа тайных дел и по приказу воеводы Семена Васильевича Готовцова у земского старосты Алексея Митрофанова с жилых и пустых дворов, с лавок и разных угодий“. „Сбор этот—прибавляет отпись—взят на расходы вел. г-ря к соляным заводам, что у Соли Малой“. Подписана отпись воеводой Семеном Васильевым Готовцовым (см. Оп. док. 146)—В сказке, поданной 16 июля 1676 г. в Большесольском съезде дворян земским посадским старостой Алексеем Митрофановым подъячему приказа Большого Дворца Ивану Протопопову (см. Оп. док. 64), Митрофанов заявил, что „как в прошлые годы, так и в 184 г. с лавок, полулавок, с лавочных мест, с кузниц и с амбаров посадские люди п. Б. Соли платили сборы к царским соляным промыслам у М. Соли воеводе Семену Готовцову вместе с четвертными, оброчными и полоняничными деньгами“.

³⁾ Хранится в архиве Костр. Научного Об-ва. Хвостову в то время принадлежала Малосольская вотчина.

„1780 году сентября 16 дня по наезду из Нерехтского нижнего земского суда дворянского заседателя Степана Ивановича Курова и по объявлению из наместнического правления указа в даче Семена Ивановича Хвостова в *селе Малых Солях колодези соляных рассолов нашлись, но только уже очень давние, почему оной дворянский заседатель Стефан Иванович старосты Федора Григорьева и спрашивал об утрате соляных заводов, а староста на то объявил, что оные колодези весьма уже давно стоят пусты и потому не знает, кем они разорены*“.

Дальнейших сведений о судьбе малосольского солеварения у нас не имеется.

III. Нерехотское солеварение.

Нерехотское солеварение также старинного происхождения. Первое упоминание о нем восходит к первой четверти XV в., но есть предположение, что существовало оно и ранее XV в. „Лично мы уверены—говорит Н. Аристов—в том, что соляные варницы существовали до XV ст. в Городце, *Нерехте*, у Ростовской Соли и у Соли Переславской, хотя на это нет фактов ранее половины XV в.“¹⁾

Первое упоминание о варницах в Нерехте относится к 1423 г. и связано с именем жены в. кн. Василия Дмитриевича—Софии Витавтовны, которой в. кн. Василий отказал, в числе других имений, и волость Нерехту: „А княгиня моей—читаем в „Духовной грамоте (второй) в. кн. Вас. Дм.—съ Костромы Иледамъ и съ Обнорою и съ Комелою и съ Волочкомъ, да *Нерехта* и съ *варницами* и съ бортники и съ бобровники и со Княгининьскимъ селомъ“²⁾. Тоже повторяет и третья духовная грамота того же князя³⁾.

В духовной грамоте 1462 г. в. кн. Василия Васильевича о разделе по смерти его всего движимого и недвижимого его имения сыновьям его, князьям Ивану, Юрию, Андрею большому, Борису, Андрею меньшому и княгине Марье Ярославне варницы упоминаются снова: „да даю своей княгини Нерехту с варницами и со всѣми пошлинами“⁴⁾.

Таким образом в XV в. Нерехтские соляные варницы принадлежали великим князьям.

По духовной грамоте в. кн. Ивана Васильевича, писанной около 1504 г., в числе других городов и волостей был отдан его сыну и наследнику Василию Ивановичу и г. Кострома: „и съ Плесомъ, и съ Нерехтою и съ Иледамомъ и съ волостями и съ путми и зъ селы и со всѣми пошлинами“, но уже о варницах в Нерехте ничего в этой духовной не говорится, потому что, как предполагает Диев, варницы тогда уже не принадлежали собственно великокняжескому двору, а перешли в управление частных лиц, особенно монастырей⁵⁾.

Рядом с великокняжеским частное и монастырское солеварение существовало в Нерехте еще в XV в., о чем, между прочим, свидетельствует данная (без даты, 1436—1445 г. Захарья Ивановича Романова игумену Троицы-

1) Промышленность древней Руси СПб. 1866. стр. 73. Воронцов-Вельяминов. (Военно-статистич. обозрение Российской империи т. IV, ч. 3. Костромская губерния. 1848 г., стр. 102) отмечает, что Нерехта была *знаменита* в XV, XVI и XVII ст. своими соляными варницами.

2) Собрание госуд. грамот и договоров, хран. в госуд. коллегии иностр. дел. часть первая. М. 1813, стр. 81.

3) Там же, стр. 84.

4) Памятники Русской истории, изд. под ред. препод. Русской истории в Моск. ун-те. Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С. В. Бахрушина. Изд. Ключкова. М. 1909, стр. 26. Курсив наш.

5) См. Диев. История г. Нерехты, стр. 9. Рукопись хран. в 6-те Костромского научного Общества под № 61.

Сергиева монастыря Зиновию на село Нерехотское с деревнями и пустошами и на варницу у Нерехотской соли и с двором варничным¹⁾.

Прибирая постепенно варницы к своим рукам, Троицы-Сергиевский монастырь умел добывать тарханные грамоты на свои владения. Так, в 1450 г. была дана великой княгиней Софией в Ростове жалованная тарханная грамота игумену Троицы-Сергиева м-ря Мартиниану, из которой видно, что у Троицы-Сергиева м-ря имелись в Нерехте три варницы²⁾. Из другой жалованной льготной грамоты той же в. кн. Софии (без даты, относимой к 1447—1453 гг.) видно, что Тр.-Серг. м-ря, помимо трех бывших у него варниц, поставил на пустом месте еще и четвертую варницу³⁾.

Есть основание предполагать, что в последней трети XV в. в Нерехте наряду с варницами Тр.-Серг. м-ря существовали также и варницы Угрешского м-ря, т. к. кладище (склад дров для солеварения) Тр.-Серг. м-ря находилось, как это видно из одной грамоты, рядом с Угрешским кладищем⁴⁾.

¹⁾ С. Шумаков, Обзор грамот коллегии экономии. Вып. IV. Кострома „съ това-рищи“ и Переславль-Залесский. Изд. Об-ва Ист. и Др. Рос. М. 1917 г., стр. 54. Шумаков указывает, что данная эта напечатана у Мейчика под № 61 на стр. 124. Подробнее содержание ее приводит Николай Виноградов в статье „Род бояр Романовых и их отношения к Костр. краю“. (Материалы по истории, археол., этногр. и ст-ке Костр. губ., вып IV, стр. 6). „Захарий Иванович—говорит он—был крупным костромским вотчинником; как видно из его вкладной, он „даль въ домъ Святѣй Троицѣ, въ Сергѣевъ м-рь (т. е. в Московский Троице-Сергиев м-рь, ныне лавра) игумену Зиновію с братією, село свое Нерехотское и съ деревнями, и съ пустоши, и съ лѣсом, и съ пожнями, и со всѣм тѣм, что къ нему потягло, да и съ серебром, и съ хлѣбомъ, и съ животиною. Да и варницу имъ свою даль у Нерехотскіе Соли (т. е. в Больших Солях, ныне посад Костр. губ.) и съ дворомъ съ варничнымъ“. (См. Грамоты коллегии экономии Моск. архива м-ва юст. по г. Костроме № 15). Эту... грамоту нужно отнести к периоду времени 1432—1443 г.г., т. к. в это именно время упоминаемый в ней игум. Зиновий управлял обителью преп. Сергия“. Шумаков относит эту грамоту по Строеву к 1436—1445 г.г. Едва ли, однако правильно под Нерехотской солью разуместь Б. Соли: у Нерехты была своя Соль.

²⁾ См. Матер. для истории сел, церквей и владельцев Костр. Губ. Отд. III для Костр. и Плесской десятин. Вып. 5-й. М. 1912 г., стр. 63—64, а также С. Шумаков. Обзор грам. кол. эк. вып. IV, стр. 183 У Мейчика под № 97. В приложении к настоящему очерку грамота эта перепечатана.

³⁾ „Се яз., княгини великая Софья, пожаловала есмь игумена Мартиниана Сергѣева м ря з братією или кто по немъ иный игумень будетъ, что их три варницы в моей волости в Нерехтѣ, и они деи поставили себѣ на мѣстѣ на пустом четвертую варницу, ино имъ с тоѣ варница некоторая моя дань на три годы; а отворять (отходятъ?—ЕД те три годы, и они даютъ в мою казну оброком по полтинѣ за сборъ. А волостели мои и их тиоуни и всѣ пошлинники въ тѣ варницу не въступаются и пудового и половников с неѣ неемлют. А хто ся ослушает сеѣ моей грамоты, быти от мене в казни“. Акты отн. до юридич. быта др. России, изд. Археограф. Ком., т. I. СПб. 1857 г., стр. 82. Очевидно, грамота эта писана не ранее 1450 г., когда было только три варницы и следовательно, надо относить ее не 1447—1453 гг., а к 1450—1453 гг.

⁴⁾ Эта жалованная вотчинная грамота или, вернее, как полагает Шумаков, данная (без даты, 1478—1492 г., время управления Тр.-Серг. монастырем иг. Паисия, Строев 138) след. содержания: «се язъ, княгиня великая Марѣа, пожаловала есмь Троицкого Сергіева м-ря игумена Паисея зъ братією, или по немъ ины игумень будетъ. Что в Нерехтѣ мѣсто у Бориса и Глѣба на Подолѣ промежъ тиуна двора и попова двора Борисоглѣбского, а то деи было болото, и то де и болото насыпали Троецкіе жъ соловары. А противъ деи того мѣста за дорогою ихъ жо кладищо съ Угрѣшскимъ кладищемъ. И язъ ихъ, княгиня великая, игумена зъ братією пожаловала тѣмъ болотомъ и тѣмъ кладищемъ их, что съ Угрѣшскимъ кладищемъ, дала тѣ мѣста в домъ Живон. Троице и великому Сергею по государѣ по своемъ по в. князи и по всемъ нашемъ роду». Шумаков. Обзор грамот., IV, стр. 185. У Мейчика под № 276. См. также «Матер. для истории сел, церквей и владельцев Костр. губ. Отд. III для Костр. и Плесской десятин. Вып. 5, стр. 63.—В половине же

В половине XV в. были в Нерехте также и митрополичьи варницы, как о том свидетельствует приказ Киевского митрополита Ионы от 23 декабря 1454 г. о заведывании варницею в Нерехте старцу Симону ¹⁾.

В начале XVI в. у Тр.-Серг. м-ря в Нерехте имелось три варницы, как это видно из жалованной тарханной грамоты декабря 1517 года „опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, ямскихъ денегъ и посошные службы“—на село Федоровское с деревнями в Нерехтском у. и в Нерехте у Соли на три варницы с двора ²⁾.

В общем итоге в XV и XVI ст. в Нерехте имелось значительное число варниц, принадлежавших разным владельцам. По приправочным писцовым книгам Василья Вельяминова и Пантелея Усова 1596 и 1597 г. г. в Нерехте, которая для своего времени была большим поселением (в ней насчитывалось тогда около 300 домов, 100 лавок и лавочных мест, собор и 7 приходских церквей) было около 25 варниц ³⁾.

Несомненно, рост Нерехты был связан с солеварным промыслом, который, как показывает число варниц, был развит значительно. По словам рукописного „Статистического обозрения уездного г. Нерехты Костр. губ.“, „до разорения Нерехты поляками главную промышленность жителей составляла обработка соли на здешних варницах, которые сначала были казенные (княжеские?—Е. Д.), а потом поступили во владенье м-рей и частных лиц“. По

XV ст. в. княгиня Марья Ярославна «освободила в Нерехотской ее волости две варницы митрополита Геронтия и живущих в них людей от дани и пошлин и подсудимости их нерехотским волостелям и тиунам» (Диев. Старинные волости и станы в Костр. стороне, с предисл. Ап. Титова, стр. 38).

¹⁾ «Се язъ, Юна, митрополит Киевскій и всеа Руси—говорится в этом приказе—пожаловал есмь старца Симона, приказалъ есмь ему вѣдати варницу Пречистыя Богородицы и свою в Нерехтѣ, что отъ мене вѣдалъ ту мою варницу старецъ Насонъ. А дасть тотъ старецъ Симонъ съ тое варницы на мой погребъ съ года на годъ оброком на сборъ по осмидесяти пудовъ соли вѣсчих и привозить сам на Москву. А дана грамота на Москвѣ мѣсяца декабря 23 въ лѣто 6963 индикта 3». Акты отн. до юридич. быта др. России, т. III. СПб. 1884, ст. 63. Возможно, что это, а, может-быть, и несколько более позднее время имеет в виду Диев, говоря (в своей рукописной «Истории г. Нерехты», к сожалению, на дефектном листе), что „тогда в Нерехте были две митрополичьи варницы, из коих одна Новомонастырская называлась Реденской починок“. „В грамоте сей великой княгини—говорит он далее—сказано: „не надобѣ съ тѣхъ варницъ и съ тѣхъ дворов и съ того починка Реденского ни дань, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни восмничи, ни закосное, ни портное, ни скатертное, ни пятенное, ни новорожденныя куницы, ни хмелевого окладу, ни площади, ни половников, ни двора волостелева не ставятъ ни къ становщикамъ, ни къ десятскому не тянуть ни в какіе пошлыны ни в розметы“. Далее дефект. В месте, предшествующем изложенному и также дефектном, говорится: „супруга г ря Вас...“, а далее после дефекта так: „Геронтію, и живущих в них людей от дани и пошлин, также и от подсудности их Нерехтским волостелям и тиунам“.

²⁾ Шумаков, Обзор грамот, IV, стр. 186.

³⁾ Рукоп. „История г. Нерехты“ Диева, стр. 13. В черновых рукописях Диева (хран. в архиве Костр. Научн. Об-ва) указано, что домов в Нерехте (в 1597 г.) было более 300 и в них 350 жителей (т. е.; очевидно, глав семей), а варниц *более* 25. Васьков (Костр Губ. Вед. 1872 г. № 25), ссылаясь на те же книги 1597 г., говорит, что в Нерехте было 26 варниц. Как указано в рукописном „Статистич. обзоре уездн. г. Нерехты Костр. губ.“, соль для всех варниц добывалась из двух колодцев, находившихся близ нынешнего гостинного двора. Упомянутое „обозрение“, как сказано в подзаголовке, „составлено и представлено г-рю н-ку Ал-ндру Николаовичу в приезд его через Нерехту 13 мая 1837 г. Нерехт. уездн. училища учителем истории и географии Егором Степановичем Знаменским“ (хранится в б-ке Костр. Научн. Об-ва под. № 170). На последней странице „Обозрения“ рукою Диева помечено, что историч. часть обозрения составлена им, а статистич. сведения при его же пособии собраны Знаменским.

указанию Диева, ¹⁾ варницы доставляли „знатное количество соли“, и солеварение составляло видный источник государственных доходов.

В связи с солеварением Тр.-Серг. м-рем была построена в Нерехте особая варнишная слободка ²⁾, в состав которой вошло большое число иногородних людей и крестьян названного монастыря, имевшего здесь в 1597 г. три варницы. В 1627 г. крестьяне Тр.-Серг. м-ря, жившие в этой слободе, гянувшейся от Соборной церкви до Богородицкой, составляли четвертую часть населения Нерехты. ³⁾

Конец 16 века, вероятно, был временем наивысшего расцвета Нерехтского солеварения. В 1596 и 1597 г. здесь были, по словам Диева, ⁴⁾ следующие варницы: а) *митрополичьи*: 1) Ягиль, 2) Горынша, 3) Соболя, 4) Казарин, 5) Быль; б) монастырские: *Николы Угрешского*: 6) Кобель, 7) Соболя, 8) Медведь, 9) Кропиво, 10) Саврас; *Троицы-Сыпановского*: 11) Орех; *Николы-Шартомского*: 12) Вешка; *Переславского Горичьего*: 13) Соболя; *Афонасьевского*: 14) Боброк; *Бобренского*: 15) Бобренская; *епископа Суздальского*: 16) Чернец; *Спасского Ярославского*: 17) Совкова Мовка; *Сергиева м-ря*: 18) Перепелка, 19) Бурко, 20) Дуброва; в) *частных людей*: 21) Бетюк, 22) Сопыль, 23) Дуброва, 24) Стишк (?), 25) Пирог и многие другие.

В начале 17 в. Нерехтское солеварение захирело. Сильный удар, после которого оно не могло оправиться, нанесло солеварению опустошение и сожжение Нерехты в 1609 г. поляками и литовцами под предводительством Лисовского; „оттого, когда Волынский в 1627 г. описывал Нерехту, половина жилых мест, равно как и варницы были запущены.“ ⁵⁾

Перечисление варничных мест, бывших в Нерехте в 1627 г., имеется у Диева в его рукописной „Истории г. Нерехты“ (стр. 9-11); приводим его полностью: „В Нерехтских писцовых книгах 1627 года, составленных (Павлом Волынским—говорится там—сказано: „В Нерехте... (дефект) (места) варничных пустыя старыя пустоты, что бывали варницы *нерехчан посадичких людей* ⁶⁾ место, что была варница Бетюк, м-сто варнишное Дуброва, м-о варнишное, что была варница Сопыль, м-о варнишное Лошан, м-о варнишное Пирог, *Троицы-Сыпанова м-ря* м-о варнишное Орех, м-о Дягиль, м-о варнишное Горышка, м-о варнишное Соболя, м-о варнишное Казарин, м-о варнишное Быль, а бывали тѣ м-ста *митрополичьи*; м-о варнишное Кобель, а Соболя тож, м-о варнишное Медведь, м-о варнишное Кропиво, м-о варнишное Саврас, что были варницы *Николо-Угрешскаго м-ря*, м-о варнишное Вѣшка, что была варница *Николы-Шартомскаго м-ря*, м-о варнишное Соболя, что была варница *Го(ричьего) м-ря*,

1) Черновые рукописи Диева о Нерехте.

2) Между прочим, о том, что в Нерехте была особая слободка „что взята из-за Троицы-Сергиева м-ря“, видно из „Списка с царской грамоты Костр. воеводѣ князю Ив. Петр. Вяземскому“ 1664 г. (Он док., стр. 139), см. также Крживоблоцкого, стр. 587. Отметим кстати, что вообще Тр.-Серг. м-рь играл крупную роль в эксплуатации соляных богатств тогдашней России. «Настоящими соляными богатствами овладел Сергиев м-рь. У него были варницы в Нерехте, Стародубе, на Киржаче, в Балахне и других мастах. Здесь насчитывались целые десятки принадлежащих ему солеваренных заводов, на которых ежегодно вываривались многие тысячи пудов соли. В колоссальном хозяйстве м-ря этой отрасли принадлежало одно из виднейших мест по своей доходности». (М. И. Смирнов. Соль Переславская; губ. г. Владимир 1916, стр. 14.

3) Пам. кн. Костр. губ. на 1862 г., стр. 300. Статистич. обозр. уездн. г. Нерехты.

4) Черновые рукописи о Нерехте. „Казенных варниц в опись включено не было, вероятно, потому что оные были в заведывании особых целовальников, и доходы из оных взносимы были прямо в государеву казну“.

5) Пам. кн. Костр. губ. на 1862 г., стр. 300. — В черновых бумагах Диева приводятся данные писцовых книг 128 и 129 (т. е. 1620 и 1621 гг.) по Нерехте, причем на Борисоглебской стороне в Шартомской ул. упомянуты варничные места, в Троицкой слободке—Троицкие варнишные места, дровяное кладище и 2 варницы на берегу р. Пустые.

6) Здесь и далее курсив наш—ЕД.

мо (варнишное Соболя, что была варница *Афанасьевского м-ря*, .. (дефект) (м-о варнишно)е *Бобринского м-ря*, м-о варнишное Чернец *Спасского м-ря Суздаля*, м-о варнишное Совкова Мовка, что была варница *Спасского м-ря из Ярославля*,—всего мѣст варнишных пустых 21 мѣсто. Да в Нерехтѣ на посадѣ *Троицы-Сергіева м-ря* два мѣста варнишных, м-о варнишное Перепелка да мѣсто варнишное Бурко“. „Следовательно—добавляет Диев—всего 23 варницы, сии варницы запустили, вероятно, от Литовского разорения, ибо существование их было известно еще в 1597 г.“.

Из приведенного видно, что кроме посадских людей—нерехчан, которым принадлежало 5 варничных мест, владел варницами до литовского разорения целый ряд монастырей. Помимо уже знакомого нам по ранее приводившимся документам *Тр-Сергиева м-ря* (2 варнишных места) ¹⁾ владели м-ри: Троицы-Сыпанов (6, бывшие митрополичьи) Николо-Угрешский (4), Николо-Шартомский (1), ²⁾ Бобринский (1), Спасский Суздальский (1), Спасский Ярославский (1), Горицкий Переславский (1) и Афанасьевский (1).

Итак, в 1627 г. варницы уже не работали, но, вероятно, разорение Нерехты Лисовским в 1609 г. было не единственной причиной прекращения солеварения. Главной причиной был, надо думать, недостаток дров, что согласно отмечают как Диев, так и Васьков ³⁾.

В результате Нерехотское солеварение исчезло бесследно,—вернее, остался лишь слабый след—остатки ямы, где прежде был один из соляных колодцев. В Нерехте—пишет Диев в не раз уже цитированной нами рукописной „Истории г. Нерехты“, доведенной им до 1849 г.—„близь нынешних рядов на дворе наугольного дома Дадоновых Симоновых и Пашинина еще доселе видна яма, где был соляной колодец; вероятно, это тот, который назывался Борисоглебским“.

V Солеварение на Воче.

В пределах нынешнего Солигаличского уезда помимо Солигалича солеварение производилось также на р. Воче ⁴⁾.

О солеварении на Воче находим сведения в „Дозорной книге по Чухломе и его уезду 7123 (1615) года“ ⁵⁾. Из этой книги видно, что Егорьевский

¹⁾ Между прочим, у *Тр.-Серг. м-ря* в том же 1627 г. при переписи Павлом Волинским было в Нерехте, как это видно из „Ист. г. Нерехты“ Диева (стр. 26), 18 дворов, 8 дворовых мест и 1 амбар, в т. ч. на Борисоглебской стороне слободка из 6 дворов и 1 дворового места, 1 двор на площади на торгу. 1 двор у торгу же на площади у Троицких—варнишных мест, 3 двора подле варничных мест на дровяном кладище, из коих один для приезда монастырских старцев, 2 двора и 4 дворовых места на р. Нерехте, у варнишных мест 1 двор, позади лавок, идучи к горе, амбар *Сергиева м-ря*.

²⁾ Следует отметить, что при Павле Волинском (в 1627 г.) в Нерехте имелась Шартомская улица, шедшая от варничных мест и имевшая 26 дворов. Диев. Ист. гор. Нерехты, 24.

³⁾ „Недостаток лесов около Нерехты, в древности окруженной лесами, переведенными от солеварения, был из первых причин, почему варницы не были возобновлены“. Диев. Рукоп. „История г. Нерехты, стр. 11. По словам Васькова, „в Нерехотских писцовых книгах 1627 г. описаны 23 места, где были варницы. В это время они уже не существовали, вероятно, разоренные литовцами при самозванцах и.. впоследствии не были возобновлены по недостатку, вблизи лесов, уже истребленных солеварением“.

⁴⁾ Река Воча—приток Костромы, протекает по Верховской, Георгиевской и Гнездниковской волостям Солигаличского уезда. В 1778 г. пустычь Лебзицино, расположенная около дер. Алешково-Грибаново Солигалич. уез., в 27 в. от Чухломы, отошла к Солигаличскому уезду.

⁵⁾ Материалы для истории г. Чухломы и рода костромичей Июдиных (1613—1895). Собрал и издал Г. В. Юдин, т. I. XVII в. Дозорная, писцовая и переписная книги. Красноярск. 1902 г. Стр. 15—16.

поп Федот Антоньев „по даной Володимера Племяникова“ отыскал старые соляные трубы в пустоши Сольца, Лебзицино тож, на р. Воче, „варницу поставил и мост по болоту мостил и варю сварил, и соль объявилась“. По грамоте Михаила Федоровича этому „Судайскія осады Митина верховья Егорьевскому попу Федоту Антоньеву, по его Федотову, челобитью“ дана была „на льготу в Чухломской осаде в Конявинской волости пустошь Лебзицино да 2 займища—Оносово да Некрасово... и ему, попу, велѣно на той пустоши Лебзицинѣ церкви Успеніе Пречистыя Богородицы, да въ предѣлѣхъ Николы Чудотворца, а другую церковь страстотерпецъ Бориса и Глѣба строити и колодези соляныя чистити и 4 варницы поставити и слободы строити и людей называти, а льготы ему дано на 5 лѣт (с 5 июня 1614 по 5 июня 1619 г.)... а строить ему велѣно в тѣхъ льготныхъ лѣтахъ“¹⁾. Из той же книги видно, что отыскал поп Антоньев „старыхъ трубъ с 20, а понела пресная вода“.

Пример Антоньева увлек других. В нахождении и очистке старых труб приняли участие и другие лица. В результате, по дозору Дея Чередова и подъячего Богдана Кондратьева, оказалось, что „всего у Соли и у Новой поставлено 5 варницъ²⁾, а к тѣмъ варницамъ занято 23 трубы, а варятъ соль в одной варницѣ, а росолъ к ней льютъ из трехъ трубъ, а к четыремъ варницамъ дѣлаютъ црѣны и трубы чистятъ, а владѣютъ тѣми варницами по крѣпостямъ, да в пустѣ остались нечищенныхъ 9 трубъ, не владѣетъ ими никто. И обоего отыскано въ жилѣхъ и в пустѣ старыхъ 32 трубы“.

Из дозора видно, что действительно варница была поставлена попом Антоньевымъ „вочѣхъ Солигаличскіе“ с посадскими людьми с Кузьмою Ивановымъ сыномъ Овсяникомъ, да с Анаіею Гавриловымъ, да Митина верховья с крестьяниномъ с Федоткомъ Ивановымъ, да Чухломскіе осады Валуевскіе волости с крестьяны с Игнашкой Даниловымъ, да с Первушкою Ворыпаевскимъ, а заняли и вычистили к той варницѣ 3 трубы по рѣчкѣ Доровицѣ к Вочѣ рѣкѣ, а владеютъ они тою варницею по жеребьямъ“.

Остальные варницы, которые ставились, были: 1-ая—Первушки Ворыпаева да Игнашки Данилова, „а к той варницѣ заняли пустыхъ 4 трубы по рѣчкѣ Доровицѣ“; 2-я—попа Федота Андреева—к Воче реке, „а занялъ к ней 4 трубы“, 3-я—Онашки Гаврилова да усольца посадскаго человека Ивашки Трескина да Федотка же Иванова—о ней сказано: „старую варницу“ ставятъ, а „заняли къ той варницѣ 4 трубы“. Находилась эта варница близь предыдущей. „Да отъ техъ же варницъ по Артемовской тропѣ к рѣчкѣ Сыроватницѣ у дровяного кладбища сряду 4 трубы“—к темъ трубамъ ставилъ варницу—4-ю усалецъ Кузьма Овсяникъ. „Да отъ тѣхъ трубъ 3 трубы вмѣстѣ, а 4-я передъ варницею, а к тѣмъ трубамъ ставилъ варницу (5-ую) Власъ Борисовъ да Фторушка Соколовъ“.

Долго ли здесь продолжалось солеварение, мы не знаемъ. Никитинъ, указывая (стр. 37), что „вся местность (Вочи) изобилуетъ соляными источниками“, говоритъ, что „на Воче в XVIII ст. добывалась соль“. Георги, посетившій во второй половинѣ XVIII в. Солигаличскій у., описывалъ не только добычу соли и извѣсти в Солигаличе, но и добывание соли по р. Воче³⁾.

В XIX в., какъ кажется, соль уже здесь не варилась⁴⁾.

¹⁾ Л. Н. Казариновъ сообщаетъ, что церкви на указанномъ месте никакой нетъ и, вероятно, она не была построена, нетъ и слобод. Ближайшая деревня—Алешково-Грибаново. Приход Георгиевскій, Митина Верховья, есть и теперь в Солигаличскомъ уезде.

²⁾ В „Историч. описании Городецкого Аврамиева м-ря Костром. губ.“ составл. Д. Ф. Прилуцкимъ и изд. в 1861 г. есть указание, что на Лебзицине были варницы Аврамиевскаго м-ря и Чухломскихъ посадскихъ людей. Пользуемся случаемъ принести благодарность Л. Н. Казаринову за это указание.

³⁾ См. Георги „Заметки о путешествіи в Россію в 1773 и 1774 г.г.“, изданные на немецкомъ языкѣ в СПбурге в 1775 г. Цитир. по Никитину, стр. 5.

⁴⁾ Остатки стариннаго солеварения в названномъ районѣ были обнаружены, между прочимъ, в периодъ революціи, о чемъ пишущимъ эти строки были получены сообщенія из Чухломы, от М. Н. Махровскаго (1919 г.), приславшимъ результаты анализа воды

VI. Солеварение в окрестностях Буя.

О солеварении в окрестностях Буя имеется указание (впрочем, довольно глухое) в „Описании Железнодорожного м-ря Костр. губ. Буйского у.“¹⁾ „В 7 верстах от м-ря—говорится там (стр. 9-10)—ближе к Бую, в местности, называемой Солониною, есть несколько артезианских колодцев, с довольно соленою на вкус водою и осадком на той местности соли, заставляющих предполагать, что здесь были когда-то соляные варницы“. Подтверждение этого указания нам удалось найти в хозяйственном плане на лесную дачу города Буя, составленном в 1910 г. казенным лесничим В. М. Здановичем. „Имеется—пишет Зданович,—в городском лесу еще один вид побочных поль-зований особенной ценности—минеральные источники. Именно, в южной части дачи протекает речка Солоница, приток речки Линяковки. Урочище это на-зывается Солониною. Еще в начале XIX ст. здесь добывалась поваренная соль, но с изменением условий добычи и продажи соли эта промышленность на Солонине прекратилась (с 1823 года)“²⁾.

Между прочим, этими источниками интересовался студент Гласко, ездивший в Буйский уезд по поручению Костр. Губ. Уч. Арх. Ком. в 900-х годах. В предварительном отчете этой комиссии он упоминает о трубах конца или первой половине XVIII в. на Солонице или Солонине—в 14 в. от Буя. Трубы эти сделаны из дерева, служили для добывания соли и в насто-ящее время сгнили почти до конца. В прежнее Московское время мы имеем полное право предполагать здесь соляные варницы на подобие принадлежав-ших на Волге братьям Строгановым“. Трубы же осматривались в 1919 году горным инженером А. А. Розиным. В сообщении Буйского Совнархоза (от 1 марта 1920 г.) говорится, что „в начале прошлого века (около 1825 г.) на Солонине работали варницы. Как было поставлено дело и почему оно пре-кратилось—неизвестно. От этих-то работ и остались трубы, которых не так давно было еще несколько, но их теперь затянуло землей и зарослями ку-старников“.

VII. Халбужский соляной район.

О Халбужских солях нам известно лишь то небольшое, что сказано о них в работе А. Апушкина³⁾. „Халбужские минеральные источники—гово-источников, произведенного врачом Р. Антоновичем, и от Л. Н. Казаринова (октябрь 1920 г.). Обсидим этим лицам, особенно Л. Н. Казаринову, неоднократно помогавшему автору ценными указаниями и присылкой материалов, автор считает своим долгом вы-разить глубокую благодарность. «В 15 в. от Чухломы—писал Л. Н. Казаринов—есть пустошь Лебзицино (на границе с Солигаличским уездом); там было 13 колодцев, из коих несколько Авраимева м-ря. В % отношении источники Тотьмы содержат соли вдвое более Солигаличских. На Лебзицине колодцы засорены, и там вода дает соли значительно меньше Солигаличской... За последние два столетия Чухломские варницы были заброшены и забыты. Недостаток соли после переворота заставил вспомнить их. Прежнее название забыто, а их именуют по ближайшей деревне Алешково-Гриба-ново. Пустошь заболочена, поросла лесом. Никаких признаков от варниц нет». По сообщению М. Н. Махровского, колодцы близь Грибанова были обнаружены в 1919 г. В заключении врача Р. Антоновича (от 17 июня 1919 г.) говорится, что в местности около Грибанова в болотистом сплошном лесу находится 12 старых запущенных ко-лодцев с деревянными срубамн.

1) Описание это составлено свящ. Георгиевской церкви, что на р. Костроме Буйского у. Петром Румянцевым и издано в Костроме в 1873 г.

2) Сведения об источниках в Буйской городской лесной даче были сообщены мною А. А. Апушкину и опубликованы им в брошюре: „Минеральные источники в пре-делах Костр. губ. и Солигаличский курорт“. Второе изд. Кострома 1915. стр. 30. По словам И. А. Боброва еще лет 50 тому назад около Буя находили соляные ямы, чаны и сковороды.

3) Там же, стр. 24.

рится там—находятся при деревне Усолье ¹⁾ Халбужской вол. Кологривского уезда, в одной версте от усадьбы Карьково в имении С. М. и Н. М. Прутченко. Расположены они на левом луговом берегу судоходной в этой части р. Унжи, в 20 верстах от станций Мантурово, Северных ж. д. Источники сливаются в небольшое озерко, окруженное холмами, покрытыми сосновым лесом. Существует устное предание, рассказываемое старожилками, что больше 100 лет тому назад на месте, где источники образуют озерко, были богатые соляные варницы ²⁾. Эти варницы будто бы хотели конфисковать в казну, тогда население само прекратило добычу соли, а варницы (колодцы?!—Е. Д.) забились сваями, чтобы никому не достались. Остатки свай и теперь видны в озере; из под них просачивается прозрачная вода горько-соленого вкуса. Память о соляном промысле в этой местности сохранилась и в названии деревни „Усолье“, около которой источники расположены. С прекращением добычи соли забыли и про особенности воды Халбужского озера“.

VIII. Солеварение в Кадые.

О солеварении в окрестностях Кадыя находим следующие строки у Никитина: „р. Вотгать (правый приток Немды) обнажает у д. Котловой и Кадыя только валунные глины. Здесь в прежние времена шла выварка соли“ ³⁾.

Наиболее древнее, известное нам упоминание о кадыевских соляных промыслах содержится в „сотной пригородка Кадуя 1573 года ⁴⁾, где, между прочим, сказано: „и посацким людям в той округѣ поселяться и скоту на выпуск за рѣкою за Вадгатью займище Копасово, займище Горяиново, займище Архангельское пристольные; займище Дьяконцово на рѣкѣ на Ватгати, за рекою против Дьяконовца займище Доружка, займище Никольское, займище, что был храм Бориса и Глеба: подъ ними во враге *три колодезя соляных*“ ⁵⁾.

¹⁾ В 1907 г., по Списку населен. мест, в деревне этой считалось 54 двора.

²⁾ При крепостном праве д. Усолье принадлежала двум владельцам Прутченко и Шаховской (см. Свод. подв. переписи по Кологр. у.) В „Экономич. примеч.“ Кологр. у. под № 411 значится дача дер. Усоляя общего владения действ. камергерши княгини Анны Федоровны Белосельской, секунд—майора Якима Григорьевя Хлебникова и гвардии поручика Вас. Данил. Каблукова.

³⁾ Стр. 49. О солеварении в Кадые упоминает и Крживоблоцкий, стр. 630.

⁴⁾ Сотная эта опубликована И. Н. Ельчаниновым в VII вып. трудов Костр. Научн. Об-ва, стр. 1—2.

⁵⁾ Существует мнение, что сам Кадый обязан своим возникновением солеварению. В указе Костр. Губ. Правления Кадыйской ратуше, полученном 25 окт. 1807 г. (подлинник хранится в Кадыйском Городском Управлении), сказано так: „Из топографического о городе Кадые описания видно, что оной город построен в 181 году и, судя по местоположению тогдашнему и нынешнему, нельзя полагать, чтобы оной город был учрежден для размножения торговли, а более можно судить, что устроен он для солеварения, в давних временах в нем производимого; три колодца для сего устроенные уже засорены, но признаются к варению соли надежными“. Цитирую по рукописному „Историческому сборнику данных о городе Кадые“, составл. в 1918—19 г.г. секретарем Кадыйского Исполкома А. Е. Мамкичевым.—В брошюре „Выставка Костромской губ. 1837 г.“ (М. 1837 г., стр. 3-4) говорится, что „город (ныне посад) Кадый умножен с 1181 (7081?)—Е. Д.) в народонаселении своем для работ при солеваренном заводе“. Интересно отметить, что везде в литературных источниках основание Кадыя относится к 1673 г., Так, например, Воронцов-Вельяминов (Военно стат. обзор. Российской Империи, т. 4, ч. 3 Костр. губ. 1848. стр. 63) говорит, что „Кадый, лежащий среди лесов и болот, умножен, как видно из летописей, в 7181 г., в своем народонаселении для работ на солеваренном заводе“, тогда как он был основан, как это видно из приводившейся сотней, в 1573 г. По мнению, приводимому Мамкичевым, самое название Кадыя произошло от слова „кади“, что означает кадки, как прежде называли имеющиеся в Кадые соляные колодцы.

Развитие солеварения в Кадые связывают с известной фамилией Кокоревых. По словам свящ. И. Н. Муравьева ¹⁾ „устройство соляных колодцев в г. Кадые и добыча соли из них были произведены предками известного ныне кинешемского (около Вичуги) фабриканта Кокорева лет 300 тому назад“.

В 1773 г., во время обмежевания земель г. Кадыя, в нем имелись соляной амбар и варня (82 кв. саж.) ²⁾ В „Толков. известиях“ упоминается о 6 соляных колодцах, давно заброшенных: „Соленых колодезей против города Кадыя за рекою Водгатью 3, да над Борисоглебским займищем, во враге, 3-же, итого 6, которые оставлены от давних лет“ ³⁾. Таким образом, в XVIII в. кадыевское солеварение бездействовало.

В 20-х годах 19 ст. предполагалось солеварение возобновить. Относящиеся сюда данные, почерпнутые нами из сенатского дела 1828 г. ⁴⁾, приводятся ниже в подробном изложении, так как представляют несомненный интерес для истории солеварения в Костромском крае.

„Кадыевское мещанское общество—говорится в этом деле—будучи втечение прошедших трех лет от неумеренного неурожая в хлебе и скотского падежа и потом от великого понижения цен на простые лесные рукоделия и крестьянские работы приведено в крайнюю бедность, доверило было для защиты себя от оной в прошлом 1825 г. судиславскому купецкому сыну Курочкину исходатайствовать позволение на выварку соли из существующих при Кадые в городских дачах с давних времен соляных колодцев; но от министра финансов объявлено им, что запасы соляные повсеместно и в особенности в Н.-Новгороде возросли до невероятности, так что правительство, задолжив в оных капиталы, находится в затруднении сбыта соли,—и потому устройство солеварения для ничтожных выгод кадыевской градской думы дозволить невозможно“ ⁵⁾

На запрещение это в прошении, поданном в Сенат по доверенности от кадыевских мещан, кадыевский градский голова Каратаев сделал ряд возражений. Он полагал, что запрещение это „последовало от неимения в виду министра финансов сведения, что г. Кадый основан среди лесов в 7181 (7081? —Е. Д.) единственно для солеварения, а не для торгов, что доказывает прилагаемая у сего копия суказа Костр. губ. правления от 18 окт. 1807 г. ⁶⁾ . . ., но впоследствии времени сделан был уездным, распространился, и состояло в нем, кроме мещан, дворян и разночинцев, одних купцов около 250 душ, кои и производили довольную торговлю для приезжающих в город и по делам

¹⁾ Сборник Мамкичева, л. 55. (Записано в 1920 г.).

²⁾ Там же.

³⁾ Т. I ч 1-я, стр. 333. Аналогичное упоминание о 6 колодцах в Кадые, однако, без указания на их заброшенность, имеется также у Чулкова (Историч. описание Росс. коммерции, т. VI, кн. IV. М. 1786, стр. 211).

⁴⁾ Дело № 338 „по рапорту Журавлева (обер-прокурора Сената) о просимом Кадыевским городским обществом дозволении возобновить солеваренное производство из источников, на городских землях имеющихся“. Хранится в архиве Костр. губ. уч. арх. ком.

⁵⁾ Боязнь за сбыт соли нередко заставляла правительство затруднять частное солеварение. Так было, например, с известными в Жегулях на Волге соляными промыслами, заведенными еще при Иване Грозном Строгановыми. В XVIII в. Жегулевское Усолъе вместе с промыслами поступило к князю Меншикову. Когда после ссылки Меншикова Усолъе перешло в казну, „и на Усолъской земле против Усолъя за Волгой были поселены калмыки с 1737 г. и для двора-княгини их Тайшиной устроен город и назван Ставрополем“, то „для привлечения в этот новый город жителей в нем была устроена продажа от казны соли, а соляные усольские варницы совершенно уничтожены и самые трубы рассольные завалены для омерзения бравших в них соленую воду всякою гадостью—удавленными кошками, собаками и разною падалью“ (Церк.-прих. летопись Преображенской церкви с. Усолъя).

⁶⁾ Копии этой в деле нет. Из дальнейшего видно, что сведения об основании Кадыя взяты из топографич. описания.

в судебные места и для покупки вывариваемой соли, хорошее свойство коей подтверждают и ныне состоящие в городских кадыевских дачах несколько соляных колодцев и труб, кои неизвестно почему, при существовании еще главной соляной конторы, оставлены без поправки, и потому производство соли само по себе прекратилось; но избыток в них соли и донныне очень велик, ибо во время лета при берегах речки, текущей близ колодцев, делается осадка чистой соли сама собою. Но как с расширением губернии город Кадый обращен в заштатный и судебные места выведены, то от сего торговля в нем прекратилась, и купечество выселилось, а остались одни мещане, и то самые бедные, коих ныне состоит уже токмо 199 ревисских душ, кои, занимаясь одним хлебопашеством, недостаточным по неурожаю и к собственному их продовольствию, за покупкою хлеба, не имея у себя торговых съездов, вынуждаемы бывают обращаться в приволжский город Юрьевец слишком за 50 верст, откуда получают и самую соль от вольноторговцев, платя по 2 р. 40 к. за пуд к большому себя изнурению; а потому, изыскивая средства к уплате госуд. податей и к отвращению сильной бедности, возложили на его, Каратаева, ходатайство вновь испрашивать дозволение об открытии солеварения, к чему способствует большое количество принадлежащих г. Кадыю около его лежащих лесов, без употребления изнывающих, коих множество бывшим в 1823 году пожаром обгорело и может только с пользою быть употреблено в дрова на выварку соли, которой по огромности колодцев и чистоте самосадки в них, полагать можно, будет вывариваемо слишком 20 000 пуд. в год, коих достаточно на продовольствие целого округа жителей, а таковое количество доставит и казне и жителям Кадыя не ничтожные выгоды, избавляя первую от значительных издержек на перевозку сей массы соли с места нынешних заготовок ее до Н.-Новгорода, а жителей — от лишних передач вольноторговцам при покупке оной, и даст сверх того многим плату, потребную на содержание семейств и на госуд. повинность, при солеварении рабочим, очищая леса от валежника и бесполезного гниения деревьев, водворит среди жителей Кадыя и в окрестных селениях за дрова и возку соли значительный денежный оборот; очистка же соляных колодцев и труб и постройка сараев и печей для варения при избытке леса и глины не может составить значительных расходов тем более, что жители города примут на себя все сии работы по указанию мастера. Посему он, Каратаев, просит... во уважение вышеописанных причин дозволить жителям г. Кадыя открыть в дачах их из имеющихся соляных колодцев и труб солеварение на тех правах, на каких, по высоч. утвержденному в 20 день ноября 1826 г. положению, существует уже в России множество частных соловарных заводов“.

Прошение это Сенат препроводил (16 июля 1827 г.) к министру финансов, который из'яснил, что „Костромская губ... имея уже частный Солигалицкий завод и будучи сопредельна с Нижегородскою и пересекаема рекою Волгою, получает продовольствие солью с Солигалицкого завода и из нижегородских запасов свободно, без малейшего затруднения,—следственно, в возобновлении кадыевских соляных источников... не настоят ни малейшей надобности и потому было бы несогласно с коренными законами“. Затем „расчистка с давних лет заброшенных рассольных труб и колодцев, устройство варниц со всеми их принадлежностями, соляных амбаров и других заводских строений, как бы ни было ограничено предполагаемое кадыевскими жителями действие завода, востребует немаловажных пожертвований, кои, быть может, превзойдут их способы; между тем сбыт соли с завода их, при существовании уже в Костромской губ. частного завода и при полной удобности вольнопромышленникам снабжать все города губернии солью из нижегородских запасов, подвержен великому сомнению. Так обр. кадыевские жители по необдуманности своей истощив последнее достояние на такое предприятие, которое не будет доставлять им ожидаемых выгод, могут впасть в большую бедность“. Далее „проситель удостоверяет, что г. Кадый основан единственно для соловаренного производства и в подтверждение сего приложил список с указа Костр. губ. правл. Кадыевской ратуше от 18 окт. 1807 г.,

в коем прописан указ Правит. Сената от 16 сент. того же года о намежевании г. Кадыю земли. В указе сем между прочими справками о городской земле помещено: из топографического описания видно и судя по местоположению нельзя полагать, чтобы г. Кадый был учрежден для размножения торговли, а более судить можно, что устроен для солеварения в давних временах. Но сие, заключая в себе одно предположение сочинителя топогр. описания, не может быть принято за доказательство". Наконец, „число частных соловаренных заведений в новейшие времена умножилось и действие их распространилось до того, что и на казенных заводах приготовляемая соль, а паче та, которая по необходимости должна быть принимаема в казну от пермских солепромышленников, долгое время остается без израсходования, а задолженные в оной казенные капиталы без поворота и плодоприношения". „По всем сим причинам он, министр финансов, признает дозволение кадыевским жителям возобновить соловаренное производство... не согласным ни с пользою казны, ни с пользою самих жителей, а потому полагает в просьбе Каратаеву отказать".

Каратаев подал новое прошение. Он повторял в нем, что „граждане (г. Кадыя) живут в крайней бедности, занимаясь одним хлебопашеством, но и таковое в течение прошедших 3 х лет от воли божией по неурожаю почти прекратилось, при чем несчастье их довершил еще скотский падеж", что „почти две трети (принадлежащих городу) лесов в 1823 г. обгорело и без пользы и употребления загнивают, при чем и то их побуждает к возобновлению солеварения, что в городе их соляных магазинов и продажи казенной соли вовсе не имеется, а оную получают они и другие селения, около Кадыя лежащие, из г. Юрьевца от вольноторговцев, платя по 2 р. 40 к. за пуд. да и проезд пуда за 50 верст вперед и назад стоит больших издержек и каждый пуд обходится их до 4 р., каковые издержки по бедности им крайне чувствительны". Далее Каратаев доказывал, что солигаличскую варницу, отстоящую за 200 верст, принимать в расчет нельзя, „и как у них из трех колодцев запущенных и из четырех яко долженствующих устроиться, и сверх того из нескольких особых труб может быть солеварение очень значущее, то и близ лежащие округа: Макарьевская, часть Галичской и Козловской (не Котловской ли?—Е. Д.), по дальнему расстоянию их от приволжского гор. Юрьевца и по невозможности дешевою ценою доставлять к ним оттуда соль, могут с меньшими издержками соль покупать и довольствоваться от их солеварения".

16 авг. 1827 г. состоялось следующее определение Сената: „как по силе высоч. манифеста 5 ноября 1811 г. об открытии во всей империи вольной продажи соли дозволяется каждому на собственных своих землях открывать и разрабатывать соляные источники и обращать их в продажу по ценам добровольно без малейшего препятствия, то Прав. Сенат, руководствуясь точными словами означенного манифеста и по уважению описываемой бедности жителей заштатного города Кадыя, как не производящего никакой торговли, полагает дозволить тому обществу возобновить соловаренное производство из источников, на городских землях имеющихся".

Определение это министр финансов не подписал и возвратил с мнением, в котором полагал, что кадыевскому о-ву „для собственной его пользы" не следует дозволить учреждения соловаренного производства. В наиболее существенные мотивы министра финансов сводились к следующему: „Соловаренное производство, а наипаче устройство рассолоподъемных труб требуют познаний и искусства, коих жители г. Кадыя не имеют; приобретение из недр земных рассолов, требующих обработки, есть такое предприятие, в достижении которого нередко и капиталисты не успевают: поверхностные рассолы обыкновенно слабы, выварка из оных соли, требуя непомерно большого потребления дров и расстраивая леса, обходится весьма дорого, так что превышает проданные от казны цены соли. Итак, солеварение кадыевскому о-ву, если оно употреблять станет слабые рассолы, будет в убыток. И в древние времена во многих местах опускали рассолоподъемные трубы на глубину до 100 саж.:"

Вследствие разногласия дело перешло в общее собрание Сената, которое 7 июня 1828 г. единогласно положило „дозволить кадыевскому градскому о-ву возобновить солеваренное производство из источников, на городских землях имеющихся“. 13 июня 1828 г. управляющий министерством юстиции, согласившись с резолюцией сенаторов, поручил обер-прокурору привести означенное дело установленным порядком к исполнению.

Таким образом, благодаря настойчивости кадыйцев, разрешение на солеварение было получено, однако, как кажется, использовано оно не было. По крайней мере об этом ничего не говорится в последующих источниках. ¹⁾

IX. Солеварение в остальных районах края.

Помимо перечисленных выше районов солеварение несомненно существовало в прежние времена и в некоторых других местах Костромского края. Так, при Иване III упоминаются варницы в Чухломе ²⁾. Существовало солеварение в Кинешме, при чем „в конце XVI в. кинешемские соляные варницы были, по словам Диева—одни из замечательнейших в России“ ³⁾. Рейтенфельс

¹⁾ Ничего об этом, напр., не сказано в описании „Выставки Костр. губ. 1837 г.“, хотя и упомянуто, что „старинные рассольные трубы и ныне видны на местах своих в Кадые“. Воронцов-Вельяминов в 1848 г. отмечал (в „Военно-стат. обзор. Росс. Имп. № 4, ч. 3. стр. 63), что „старинные рассольные трубы и ныне видны в Кадые, но работы по неизвестным причинам давно уже прекращены“. В 50-х г.г. 19 ст. колодцы также бездействовали: „Недалеко из города—писал А. В. Иванов—за р. Вотгатью и под Борисоглебским займищем в овраге существует несколько соляных колодцев, вырытых по чьему-то распоряжению очень давно; даже говорят, некогда были устроены при них соловарни, но они впоследствии сгорели, и до сих пор эти колодцы остаются без всякого употребления“. А. В. Иванов. Зашт. гор. Кадый—Журн. м-ва вн. д. 1854 г., март, стр. 4—7. Отдел V „Смесь“. Перепечатка из Костр. губ. Вед., цитирую по Мамкичеву.—Ничего о солеварении не говорится также в летописи Николаевской церкви г. Кадыя, где лишь под 1868 г. записано, что „кади в двух местах недалеко от р. Водгати до сих пор стоят наполненные соляною водою, получая приток ее от ключей, в недрах земли находящихся“ (Сборник Мамкичева). Возможно впрочем, что кустарная выварка соли в 19 ст. в Кадые и происходила. В воспоминаниях 80 летнего жителя Кадыя—Федосия Ивановича Лебедева, записанных А. Е. Мамкичевым (10 марта 1919 г., сб-к Мамкичева, л. 16), между прочим, говорится: „я помню, как из находящихся около нынешней „часовенки“ колодцев выработывалась соль посредством вытаскивания воды из них и разливания ее по особым сховородам—противням, где она и высыхала, а соль оставалась на дне их, а потом ссыпалась в кули; соль была очень солка, но неособенно бела и крупна“. Было это, очевидно, в 60-х г.г. или позже.

Продолжало оставаться в забросе солеварение и в начале XX в. В 1903 г. Влад. Вас. Беляев, как это отмечает он в своем черновом докладе 29 дек. 1903 г. в имп. археологическую комиссию (хранится в Костр. губ. уч. арх. ком.), видел в Кадые 4 соляных колодца—3 вместе и 1 порознь—следы которых „сохранились отлично“.

²⁾ С. Бахрушин. Княжеское хоз. XV и первой полов. XVI вв. в „Сб-ке статей, посвящ. В. О. Ключевскому“. М. 1909 г., стр. 595—С. Коломинский. (Торговля солью на Руси в 16—17 вв. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени. Сб-к статей студенч. ист. этн. кружка при ун. св. Владимира под руков. Д. Зап., вып. I) в числе местностей восточной окраины Руси, где русское солеварение достигло значительных успехов в 15 в., называет Чухлому наряду с Галичем, Нерехтой и Балахонским Усольем. Возможно, впрочем, что под Чухломским солеварением разумелся соседний солеварный район р. Вочи.

³⁾ Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для ист.-геогр. словаря Костр. губ. с предисл. Ан. Титова, стр. 19.—Кинешма упомянута также в числе мест добычи соли, известных Флетчеру, рядом со Старой Руссой, Астраханью, Пермью, Вычегдой, Тотьмой, Содовками и Неноксой. Об этом см. Б. Г. Курц. Срчнение Кильбургера о русской торговле в ц. Ал. Мих. 1915 г., стр. 290. Упоминает о соляных варницах в Кинешме, также И. Миловидов (Очерк истории Костромы с древнейших времен. Кострома, 1886 г., стр. 114).

во 2-й полов. XVII в. упоминает, как о месте добычи соли, о *Галиче* ¹⁾, но, вероятно, речь идет не о самом Галиче, а о Соли Галицкой.

Возможно, существовало солеварение и в *Юрьевце*, где при бурении в 900-х г. г. колодца для винного склада был обнаружен на большой глубине соляной источник ²⁾.

В „Кратком экономическом описании по Варнавинскому уезду“ говорится, что в даче генер. межев. № 17 (села Трехсвятское—Урень тож, Карпово—Троицкое тож—с деревнями) „при деревне *Никитиной* открывается соляной завод, но.. в действие (еще) не произведен“ ³⁾.

Возле дер. *Подольново*, Бычихинской вол., Костр. у., по рассказам крестьян, находится полуразрушенный засыпанный старый соляной колодец, откуда, по словам стариков, в оны времена производилась добыча соли ⁴⁾.

В „Описании к карте Макарьевского, что на Унже уезда (статистич. свед.)“ говорится, что „рудокопей и соляных источников в уезде не находится“. Между тем в *Боярской вол.* Макарь. у. в дер. Усолье еще в первой полов. 19 ст варили соль и лишь лет 80 назад солеварение здесь прекратилось, причем от него сохранились 4 колодца, в колодцах трубы ⁵⁾. Не лишне упомянуть, что рядом с дер. Усолье находится дер. Соличное.

Вероятно, еще в целом ряде местностей Костромского края производилось в древние времена солеварение, но сведения о них утрачены. Составитель брошюры „Выставка Костр. губ. 1837 г.“ (м. 1837 г.) отмечает, что старинные рассольные трубы обнаруживали в самых глухих местах: „уверяют... что находили их в дремучих лесах, поросших на местах прежнего солеварения“ (стр. 3).

Х. Солеварение в период революции.

Мы видели выше что во всех районах без исключения солеварение, существовавшее исстари, в 17 в. начало падать и к 18-19 в. в. вовсе прекратилось. Лишь в крайне редких случаях население пользовалось соляными источниками соли для получения соли, как необходимой пищевой приправы ⁶⁾.

¹⁾ Рейтенфельс. Чтения 1906, III, 209.—Любопытно отметить, что самое название Галича напоминает о соли. А. Спицын, отмечая, что „вся южная Русь свою соль долгое время получала из Галича“ (речь идет об южном Галиче), говорит, что „самое имя“ его „означает соль“. (Сборник статей, посвящ. С. Ф. Платонову, СПб. 1911. А. Спицын. Торговые пути Киевской Руси, стр. 242). По сообщению Н. А. Каликина (сентябрь 1923), в старину варили соль также в районе Галича, именно под Шокшей, где и сейчас существует пожня под названием Солодь, с соляным ключиком.

²⁾ Сообщение В. А. Потехина.—В Юрьевецкой округе солеварение несомненно существовало. Владимирской и Костромской ген. губ-р граф Роман Ларион. Воронцов, сообщая (10 июля 1782 г.) Костр. казен. палате, что „при нынешнем обозрении городов он осматривал находящиеся в Соли-Галицкой бывшие соляные варницы и колодези, кои ныне без всякого состоят употребления“, хотя „к возобновлению в них солонварения весьма надежны“, м. пр., добавлял, что „таковые же варницы и колодези имеются в Буевской, Кадыевской и Юрьевецкой округах“ и предлагал „учинить публики, не пожелает ли кто взять оные в свое содержание“ (Указы Костр. каз. п. 1782 г. л. 335).

³⁾ Дополнит. свед. к присланным из межевой канц. генер. межевания примечаниям, л. 10-й. Сведения эти относятся ко временам после 7-й ревизии, следов., после 1816 г.—В 1919 г. здесь (при д. Никитиной) были найдены заложенные в земле деревянные рассольные трубы.

⁴⁾ Сообщение Г. Г. Еремина (от 18 мая 1921 г.).

⁵⁾ Сообщение А. М. Белорукова.

⁶⁾ Напр., иногда использовалась вода Халбужских источников. „В настоящее время вода очерка для питья не употребляется из-за горько соленого вкуса, но рабочие, косцы и сплавщики леса, при недостатке соли для варки пищи пользуются вместо соли этой водой“ (А. Апушкин. Минер. источники в пределах Костр. губ., стр. 30).

В период революции положение в корне изменилось. Продовольственная разруха, в частности острый недостаток в привозной соли, вызвала со стороны населения повышенный интерес к местным соляным источникам. Стали вспоминать рассказы старожил о давно прошедших временах, когда соль добывалась на месте, отыскивать и расчищать старые соляные колодцы и источники; возникла домашняя выварка соли. Временно старый промысел, о котором основательно забыли, возродился в примитивно-кустарной форме. В Б.-Солях, Солигаличе, Кадые, Макарьевском Усолье начали вываривать соль из соляных источников. В 1919 г. в Варнавинском уезде был обследован (инженером Воробьевым) соляной источник близ починка Никитин Завод Карповской вол. В дер. Подольново Бычихинской вол. Костр. у. крестьяне нашли старый соляной колодец и предполагали расчистить его для добычи соли ¹⁾. В июле 1921 г. приходилось слышать об обнаружении соляного источника в с. Сидоровском. В 1919 г. были найдены остатки старинного солеварения на территории Солигаличского уезда близ с. Грибанова: воду из них в период 1919—1921 г.г. население употребляло в кушанье. Один из колодцев был здесь расчищен, но недостаточно, всего на 1½ арш., и пресная вода его заливала; из воды вываривали соль, но в незначительном количестве; многие крестьяне из Чухломского уезда ездили с бочками за рассолом в Алешково-Грибаново, но все же источник этот далеко не пользовался такой популярностью, как солигаличский, где процент соли в воде был в несколько раз больше, чем в Грибановском источнике ²⁾. В августе того же 1919 года по распоряжению Туковой Секции Костр. Губ. Совета Народн. Хоз. горным инженером А. А. Розиным были обследованы соляные источники в окрестностях Буя (местность Солонина); на производство изысканий (бурение) в этом районе губсовнархоз отпустил 10.000 р., но бурение не могло быть произведено из-за неполучения буровых инструментов и по неимению специалистов по буровым работам ³⁾.

Ниже мы приводим некоторые сведения о солеварении, производившемся в разных местах Костр. края в период революции, полученные нами от разных лиц ⁴⁾.

Спрос на соленую воду был чрезвычайно велик. В дер. Усолье, Боярской вол. Макарьев. у., где три волости пользовались соляной водой для выварки соли из сохранившихся старых четырех соляных колодцев, в 1919 г. случалось что люди по три дня стояли в очереди за водою ⁵⁾. В Б.-Солях на почве добычи соленой воды возникла настоящая спекуляция, и уездный исполнительный комитет вынужден был предложить большесольскому совету ограничить выдачу соленой воды населению количеством не более 5 ведер на каждое приехавшее за водою лицо ⁶⁾. По сведениям, полученным нами в декабре 1919 г., Совнархоз в Б.-Солях взимал за ведро соленой воды по 1 р., а в вольной продаже за ведро платили 5 р. В июле 1919 г. приходилось слышать о добывании соли крестьянами Халбужской вол. Кологрив. у. из озера близ дер. Усолье: соль эта менялась на другие продукты. В Макарьевском у. между Кадыем и дер. Жуковой в овражке крестьяне черпали из речки соляную воду, о которой раньше ничего не было известно и на которую наткнулись случайно: „Теперь (февраль 1920 г.) возят отсюда воду бочками, а кто и на месте вываривает соль. За этой водой ездили даже с реки Неи и из Зарецкой волости“ ⁷⁾.

1) Сообщ. Г. Г. Еремина (май 1921 г.).

2) Сообщение Л. Н. Казаринова.

3) Сообщ. Буйского Совнархоза от 1 марта 1920 г.

4) Всем этим лицам, а также учреждениям приносим глубокую благодарность.

5) Сообщ. А. М. Белорукова (ноябрь 1921 г.). По сообщ. Ковернинского учителя А. П. Колтева (20 сент. 1921 г.), в д. Усолье имелось три старых колодца: на двух из них соль не добывалась (засорены и срубы посгнили), а третий работает.

6) Красный Мир 1919, № 123.

7) Сообщ. М. М. Зиминой.

Интересные сведения о солеварении в период революции в Кадые имеются в сборнике Мамкичева. „С 10 июня 1919 г., рассказывает Мамкичев, по приговору граждан, в виду соляного голода, начата (была) расчистка и раскопка соляных промыслов—колодца около часовенки (по Жуковской дороге); стенки колодца удивительно хорошо сохранились, несмотря на то, что никто из граждан времени выработки соли из них не помнит. Работают натурою человек по 11-12 в день“ (л. 67-й). После 31 июля того же года Мамкичев записывает: „Колодец соляной вырыт, т. е. расчищен на 4½ саж. в глубину; вода горькая, затхлая и немного соленая; сруб еще очень крепкий; на глубине сажень 3-х запущен другой сруб из дерева, немного (на 2 четверти) поуже первого, верхнего. От продолжения работ по очистке колодца отказались, так как подоспели полевые работы, да и не видно пользы, а потому работу и бросили. При выварке Н. А. Скобелевым из 20 ведер воды получалось очень соленой воды одно ведро, каковую стоит, наприм., картофель только помазать, и он получается соленый“ (л. 67-й). В сентябре 1919 г. работы по очистке колодцев возобновились. „Натурою 3 дня производили расчистку соляного колодца около реки прямо против Совета (в мирском огороде¹), качали воду водогоном и пожарной трубой, но бросили, так как заливают водой, т. е. воду не успевали выкачивать (шла из внутри колодца)“ (л. 68-й). Далее запись под 15 декабря 1919 г. говорит, что соляной кризис наступил и что „население Кадыя и окружающих волостей на большое расстояние (до Палкина) берет воду из соляного колодца около часовни; воду кипятят и употребляют в пищу“, причем „из 2 ведер получается бутылка очень соленой воды“ (л. 69-й).

Тоже происходило в дер. Усолъе Боярской волости Ковернинского (прежде Макарьевского) уезда: „в ноябре или декабре 1919 г. крестьяне начали доставать соляную воду из давно заброшенных колодцев; мужики их разрывают и оттуда берут воду, платя по 2 р. 50 к. за ведро. Говорят, что разрыли колодцев 5, и ходит слух, что какую-то им субсидию давать хотят на дальнейшее разрытие колодцев. За водой ездит много народу; стоят в затылок; возят воду бочками. Ездили из разных мест: язвинские, тихоновские (из так назыв. деревень), марковские (из с. Маркова) и проч.²) В г. Ветлуге осенью 1919 г. в колодце при доме одного из жителей (П. В. Чиркина) оказалась соленая вода, которой „граждане пользуются по очереди до настоящего времени (март 1920 г.)“

За солью и соляной водой совершались целые паломничества. В сентябре 1919 г. автору рассказывали, что из Солигалича в Галич соленую воду для квашения капусты возили 40-ведерными бочками. В Солигаличском уезде пуд соли в это время стоил 4050 р. Сообщали также о паломничестве за солью в Тотьму.

О выходе соли из рассолов нам удалось получить лишь скудные сведения. Так, в дер. Усолъе, Боярской вол., из ведра воды при выварке в обыкновенных печах в чугунах наваривалось, по сообщению М. М. Зимина, 1½—2 фунта соли. В Б. Солях на варку супа соленая вода употреблялась в пропорции: на ковш пресной ковш соленой воды.

Качество вывариваемой соли не всегда было высоко. Добывавшаяся в дер. Усолъе, Макарьев. у., соль по качеству уступала балахонской³). Больше-сольская соль на вид была весьма черна, неприглядна, но употреблять ее в пищу можно⁴). Соль, добываемая в районе Кадыя, имела грязно-черный вид, вкус ее был солено-горький; варево, приправленное этой солью, будучи оставлено на ночь, на утро портилось, приобретало нехороший запах и де-

¹) Мамкичев указывает (л. 57), что колодезь этот „ныне видимый“ на левой стороне р. Вадгати напротив городского сада и управления (в мирских огородах) почему-то нигде в планах не показан.

²) Сообщ. М. М. Зимина (январь 1920 г.) со слов приезжих ковернянцев.

³) Отзыв А. П. Коптева.

⁴) Отзыв Ф. А. Рязановского, которому приходилось употреблять эту соль в 1919 г. в Песочной.

далось непригодным к употреблению ¹⁾. По одному из сообщений, в кусках соли, привозимой из Солигалича, попадалась известь, и ею травились. Обратного характера имеется отзыв о соли из источников района Вочи: соль эта была прекрасного качества и вкуса и совершенно белоснежна ²⁾.

XI. Результаты обследований соляных источников.

В заключение настоящего очерка приведем результаты некоторых обследований соляных источников, произведенных гл. обр за последние годы.

Окрестности Буя (местность Солонины). По словам Гласко, ключевая вода в водостоке, образованном старыми рассольными трубами „помимо примеси соли имеет железистый привкус с примесью, может-быть, серы“ Так как место это находится на одной прямой с Грязовецким у. Вологодской губ. (лечебные грязи) и Солигаличским у. Костр. губ. (соль), то Гласко полагал, что „вода с примесью железа и какого-то минерала могла бы иметь целебное медицинское или иное экономическое значение“ По исследованиям Здановича, не претендующем на точность, вода речки Солоницы имеет удельный вес 1,002; в воде находятся поваренная соль, гидрат железа и следы серы. Инженер А. А. Розин, осматривавший источник в местности Сольнина в 1919 г., высказался за необходимость заложения здесь буровой скважины „для того, чтобы изолировать нижний слой минерализованной ваты от верхнего слоя притока“, так как „существующие деревянные трубы едва ли выполняют свое назначение“, ибо „помимо того, что через них происходит просачивание пресной воды, они могут быть недоведенными до слоя циркуляции соленосного рассола нормальной минерализации“, причем „так как деревянные трубы при прежних технических приемах не могли быть опущены на большую глубину, то проходка скважины и до более значительной глубины при современных способах не представит никаких особенных затруднений“. Только в результате бурения железными обсадными трубами и при условии ведения детального бурового журнала с обозначением местности и характера пород и горизонтов появления пресных и минерализованных вод, а также отбора образцов пород, извлеченных из скважины, можно сделать те или иные, положительные или отрицательные, заключения о Буйских источниках ³⁾.

Починок Никитин завод Варнавинского уезда. Инженер Н. Воробьев по поручению Варнавинского Совнархоза произвел обследование источника близ починка Никитин завод Карповской волости, расположенного в пойме р. Усты в 10 саж. от нее в небольшом и неглубоком котловане, соединяющемся с рекой. В докладе, представленном Воробьевым в Совнархоз 3 ноября 1919 г., изложены результаты этого исследования: „В версте от источника, вниз по течению реки, стоит мельница, и при закрытых шлюзах прибыль воды в реке у ключа выражается повышением уровня ее на 1 аршин. Превышение истока ключа над водой тоже около 1 арш. Перед обследованием шлюзы были открыты, и так. обр. уровень в реке понизился до естественного своего положения. При осмотре обнаружилось, что ключ бьет снизу, с глубины; определить которую не представлялось возможным в виду отсутствия соответствующих инструментов и вполне возможного затяжного характера работ, связанных с определением глубины залегания пласта, подвергающегося выщелачиванию водой и содержащего в себе соль.—Существующие признаки, как-то низкая температура воды, показание тамошних жителей о том, что когда-то (а когда, никто не помнит) здесь была заложена деревянная труба, показания относительно длины которой разноречивы—от 1 саж. до 2—3, все это указывает, что пласт залегает где-то внизу, на глубине; это подтверждается еще тем, что под растительным слоем на луговине у ключа оказалась обыкно-

¹⁾ Отзыв М. М. Зимина.

²⁾ Сообщ. Л. Н. Казаринов.

³⁾ Доклад Буйскому уездному Совнархозу от 5 авг. 1919 г.

венная красная глина, и признаков близкого присутствия сольсодержащего пласта не обнаружено.—Детального исследования заложенной в источник трубы не производилось, так как на это необходимо было бы произвести не малую затрату денег и времени, особенно в связи с наступившими холодами, да и сама работа ничего существенного в деле обследования не дала бы.—Была взята проба воды, произведен анализ, который дал следующие результаты: содержание поваренной соли— $\frac{1}{4}\%$, кроме того найдены следы магния и кальция—примеси, по мнению производившего анализ провизора Ив. Н. Дунаева, безвредные.—Нужно думать, что благодаря близкому присутствию с одной стороны реки, с другой—мокрых лугов, существует внутренний подпор воды, силу которого, не закладывая буровой скважины, определить невозможно. Если таковой подпор и существует, то работа его производится в отрицательную сторону: соляной раствор разжижается, чем понижается процентное содержание соли. Так как только что приведенное соображение относительно подпора имеет чисто предположительный характер, то все нижесказанное основано на указанных выше результатах анализа.—Измерение показало, что приток воды в 1 минуту дает 5 ведер, так обр., суточный дебет равен 7000 ведер, и при содержании в $\frac{1}{4}\%$ соли можно извлечь 12 пудов; беря потерю при добычании около 20% соли, получим 10 пудов.—Способами добычания соли могут быть: 1) выпаривание раствора без предварительной обработки его, 2) естественное выпаривание на воздухе (испарение) в особых бассейнах,—способ, применимый только в летнее время и 3) вымораживание, с целью получения концентрированного раствора, после чего последний выпаривается искусственно, на огне“. Из этих способов „первый не применим, так как благодаря малому содержанию соли пришлось бы оборудовать целый завод, большой, дорогой и постройка которого при теперешних условиях, за отсутствием материала, невозможна. Необходимо указать, что при этом способе одна лишь затрата на дрова на пуд соли выражается цифрой 3200 р., Второй способ не применим по указанной выше причине. Остается третий способ—комбинированный—замораживание с искусственным выпариванием. Как сказано выше, вымораживание является подготовительной работой с целью повышения процента содержания соли. По идее способ этот состоит в том, что налитая в резервуар вода при определенной высоте его заполнения должна сразу подвергаться действию мороза, с целью получения сплошной ледяной корки, что достижимо в том случае, когда бассейн заполнен водой заблаговременно до морозов или же можно заполнять его и во время холодов, но при условии, что вливание в бассейн будет производиться сразу, не давая образоваться наслуду, так как в этом случае, благодаря слоистости, если слои льда будут чередоваться с очень тонкими прожилками соляного раствора, последний при извлечении будет перемешиваться со льдом, и, стало быть, указанный подготовительный процесс теряет свое значение. Подобное явление должно произойти и в нашем случае, в силу незначительного притока воды—5 ведер в минуту, когда мгновенное заполнение бассейна без образования наслуда невозможно, а потому и от последнего способа приходится отказаться“.

Район Вочи. Обследование источников этого района было произведено 30 марта 1919 г. санитарным врачом Р. В. Антоновичем ¹⁾ и обнаружило; что „в местности около Грибанова в болотистом сплошном лесу находится 12 старых запущенных колодцев с деревянными срубам; некоторые колодцы дают воды мало, другие обильны. Надо полагать, что общее количество воды суточное достигает 1000 ведер. Дорога к источникам плохая, болотистая на протяжении около 6—8 верст“. Анализ взятых проб воды, произведенный в лаборатории Отдела Народного Здравия, показал, что вода почти безцветна, лишь слабо-слабо—палевая, запаха—никакого; вкус очень приятный, чисто соленый, без горечи, по вкусу вода эта является очень хо-

¹⁾ Данные обследования были присланы нам из Чухломы М. Н. Махровским.

рошей столовой водой. Прозрачность полная. Удельный вес 1,0075. Сухой остаток на HCl получается 12,0; белого цвета; при прокаливании не чернеет, а только заметно желтеет. При медленном испарении под микроскопом определяется преобладающее количество кристаллов Na Cl; затем порядочное количество MgSO₄ и некоторое количество Na₂SO₄. Хлористого натрия содержит 1%. Данные химические: серной кислоты умеренное количество, муть и небольшой осадок от бария, магния и кальция—ясно определены количества—незначительные осадки. Азотной кислоты, аммиака, фосфора, железа, мышьяка, свинца нет“. Чухломский уездный врачебный совет, которому были доложены приведенные данные, признал желательным произвести полный химический анализ воды в губернской районной лаборатории и ходатайствовать о командировании, в случае получения хороших результатов, на место гидро-техника для обследования источника и производства в случае надобности пробного бурения. По мнению доктора Антоневиича возобновление солеварения на Воche потребовало бы больших затрат, так как все старые трубы засорены и затоплены пресной водой и местонахождение их неизвестно.

Кадыйский район. Источники Кадыйского района были обследованы в 1919 г. горным инженером, заведывающим секцией исследования недровых богатств Костр. Губсовнархоза. Обследование это дало отрицательные результаты. Анализ воды, взятой из двух колодцев г. Кадыя, показал, что содержится:

	В 1000 грамах.	Плотный осадок	Na Cl.
Проба № 1	7,00		3,03
„ № 2	5,00		1,74.

„Если перевести поваренную соль на процентное отношение, то это составит лишь 0,3% для № 1 и 0,17% для № 2, т. е. такое незначительное содержание при котором не может быть и речи о возможности организации на упомянутых источниках солеварения“¹⁾, и вообще, согласно заключения Туковой секции Химического отдела Губсовнархоза, „никаких научных и геологических оснований, позволяющих считать район г. Кадыя наиболее благоприятным в смысле получения результатов от разведки соленосных горизонтов среди много численных подобных месторождений на территории Костромской губ., не имеется“²⁾.

С исчезновением соляного голода кустарная выработка соли, стихийно выросшая с 1919 г. под влиянием острой нужды, в настоящее время, кажется, повсеместно прекратилась. В связи с этим упал и интерес к соляным источникам; к тому же, как показали обследования, соляные растворы оказались очень слабыми. Но не следовало бы бросать начатого дела—систематического обследования наших соляных богатств, ибо если нельзя и, при вновь складывающейся экономической конъюнктуре, не зачем серьезно думать о возрождении с промышленными целями местного солеварения, то, быть может, далеко не праздным является вопрос об использовании соляных источников с лечебными целями. Солигаличский курорт и аналогичное в миниатюре учреждение в Б. Солях показывают возможности в этом направлении. Следует напомнить кстати, что в конце мировой войны было обращено внимание, м. пр., на Халбужские минеральные источники, По инициативе врача Халбужской земской больницы И. Е. Файн в 1912 г. и 1914 г. были произведены анализы воды из Халбужских источников в Костроме и Москве, причем один из анализов показал большое сходство с водою другеничских источников, и в 1914 г. Кологривское земское собрание ассигновало 300 руб. на дальнейшие исследования названных источников, но с войной это дело, кажется, заглохло³⁾.

¹⁾ Заключение заведыв. секцией исслед. недр богатств от 23 дек. 1919 г., представленное в Макарьевский усовнархоз.

²⁾ Записка Совнархоза от 27 окт. 1919 г., представленная в Презид. Губисполкома.

³⁾ См. А. Апушкин. Минеральные источники в пределах Костр. губ. и т. д., где (на стр. 25—29) приведены подробные аналитические данные, а также цитир. работу В. И. Кошелева, где на стр. 51—61 трактуется вопрос о Большесольском курорте.

1657 (7166) г. ноябрь 21. Досмотр на острове в р. Солонице двух соляных варниц гостя Василия Шорина „Сокол“ и „Бурка“, произведенный стряпчим Симоном Протасьевичем Грязновым ¹⁾.

„Лѣта 7166-го году ноября в 21 де по указу великого г-ря святѣйшего Никона патриарха Московского і всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи и по наказу за приписью дьяка Лукьяна Голосова стряпчей Симон Протасьевич Грязной приѣхав к Соли Большой на остров, гдѣ соль варят гостя Василья Шорина, и възел с собою понятых, Соли Большие земской старосту Ивана Федорова и земских целовальников Андрѣя Павлова, Аѳонася Юдина, Федора Юрьева, Соли ж Большие посадских людей Алексѣя Митрофанова, Тимоѣя Мосиева, Якова Ермилева, Михайла Агапитова, Петра Тимоѣева сына Аладьина крестьянина Абрама Селиверстова и с ними пришел у гостиних варницъ Новика и у Притыки и у Третьяка, что Никольские пустыни усть реки Солоницы старец Иоиль указал при них варницу Сокола и Бурка и в тѣх варницах всякой завод переписал в варнице в Соколѣ і в Бурке, два цырѣны желѣзных, цырѣн в длину попол 4 сажени, а поперег попол 3 сажени, да в варнице же по 10 колод сосновых по 6 сажени лишком, стѣны у варницъ всѣ четыре по 8 сажень, варницы покрыты дралицы, во всѣх в тѣх в обих варницах соль варят гостя Василья Шорина прикащик ево Ивашко Иванов, а большова колодезя нѣт, только старец Иоиль указал место, где тот колодезь был. А досмотр писал Соли Большие земской дьячек Оска Васильевъ.“

1659 (7167) г. февр. Скаска зем. старосты Федора Васильева, трех целовальников и 48 посадских людей о варницах гостя Бориса Шорина у Соли Большой ²⁾

„Лѣта 7167 году февраля въ де по г-реву ц(ареву) і вел. кн. Ал. Мих. всеа велик(ия) и малыя и бѣлыя Росіи самодержца указу и по грамоте ис приказу Костромские четверти за приписью дьяка Алексѣя Маркова и по сыску Грязново Толмачева Соли Большие земской староста Федор Васильевъ да земские целовальники Степан Юдин, Козма Акиѣев, Иван Федоров, Соли Бо(льшие) посадские люди (48 чел.—Е. Д.) і всѣ Соли Большие посадские люди сказали ему Грязному Толмачеву по святой евангильской Христове непорочней заповеди ей-ей вправду, гостя Бориса Шорина у Соли Большой новоприбылые две варницы, варница Сокол да варница Бурко, после писцовых книг Павла Волинского с товарищи есть и два анбара и двор, а что написаны были в писцовых книгах Павла Волинского с то(ва)рыщи гостя Семена Светешникова три варницы, варница Новикъ да варница Притыка да варница Третьяк, и у него гостя Бориса Шорина пять варниц и сновоприбылыми варницы, а больши трех варницъ у него гостя Бориса Шорина не тапливали, а две варницы стоят пусты и развалились, то наша и скаска“. На обороте рукоприкладства.

¹⁾ По печатной описи значится под лит. Б. № 103 стр. 55. В подлиннике варница назыв. Бурка, а не Сурка. Печатаем текст полностью.

²⁾ В печатной описи значится под лит. Б. № 111 а, стр. 56. Отметим кстати, что № 111 б лит. Б., стр. 56 аналогичен по содержанию с № 111 а. Текст печатается полностью.

1651 (7159) г. апреля 20. Явочная челобитная ч-ка дьяка Приказа Большого Дворца Давыда Корниловича Дерябина — Куземки Петрова и Ярославца посад. ч-ка Федьки Неждановского на людей Владимира Иванова Зюзина и вдовы Анны Григорьевны Плещеевой, разбивших их дровяные плоты ¹⁾).

Царю г-рю і вел. кн. Алексѣю Мих. всея Руси быют челом и являют Большого Дворца твоего г-рева дьяка Давыда Корниловича Дерябина ч-къ ево Куземка Петров да Ярославецъ посадкий ч-къ Фетька Неждановской володимера Иванова сына Зюзина да вдовы Анны Григорьевы дочери Фадѣевские жены Плещѣева на людей их, на старосту и на кр-н: по твоему г-реву указу дано г-рю моему Давыду Корниловичю да и мнѣ Фетьке Неждановскому у Соли Малые варнишные мѣста соль варити, а к тѣм варницам дрова гоняют в плотях из Шексны и из Мологи реки Волгою и Солоницею реками взводят вверх Солоницею разных помещиков вотчинною и поместною землею и о том Давыду Корниловичю да мнѣ Фетьке Неждановскому к Соли Малой в Ярославской и в Костромской і в Пошехонской уѣзды дана твоя г-рева жаловальная грамота с прочетом, что тех варнишных дров от вотчинных и от помѣстных берегов рекою Волгою и Солоницею и Шексною до варницъ малосольских работных и наемных всяких чинов людей, к-рые учнут дрова гоняти, отсылать не велено і плоты з дровы причаливать давати и с тѣми дровы велено пропускать без задержания и убытков никаких чинить не велено; і в нынешнем, г-рь, во 159-м году апреля в 15-де гнали г-рь к тѣм варницам варнишные дрова гонщик Костька Филиповъ с товарищи и с работными людьми плоты и от погодного времени тот гонщик с товарищи на Волге против помѣстья Володимера Иванова сына Зюзина да вдовы Анны Григорьевны дочери Фадѣевские жены Плещѣева против сельца веденского к берегу дровяными плотами пристали і люди их старосты и кр-ня, скопясь большими скопом, дровяные плоты топорами изотосѣкли и от берегу отбили, твоего г-рева указу и грамоты не послушали, а тот плот гонщика Костьки Филипова разбило и упустили на низ рекою Волгою ниже реки Солоницы верст з двенадцать, а иные плоты их перебило на другую сторону Волги под село Городище и навал с плотов бревна и дрова скагали насильством. Милосердый г-рь царь і вел. кн. Алексѣй Михайлович всея Руси, пожалуй нас вели, г-рь, челобитье наше и явку записать, царь г-рь, смилуйся.

На об. помета 159 апреля в 20-де подал явку дьяка Давыда Корниловича Дерябина ч-къ Лаврентей Васильев.

„Святые дѣла Троици. Се язъ княгини великая Софія пожаловала есмь игумена Мартиніана Троцкого Сергеева мон-ря съ братією. Или кто по немъ ины игумень будетъ. *Что их село Федоровское съ деревнями въ Нерехтѣ да Юринская деревня, да Гилево да Сѣверово, да Лисицино да Кувакино, да Жарово пустошь и иные пустоши, и что кѣм землямъ потягло да что ихъ три варнищи съ дворы* (курсив наш—Е. Д.) и кто у них иметь жити люди на тѣхъ земляхъ и у тѣхъ варницъ в ихъ дворѣхъ: И язъ их княгѣня великаа пожаловала, не надобѣ имъ моя дань ни писчаа бѣлка ни мытъ ни тамга ни восмничеи ни вѣсчеи ни явленное ни пятенное ни ямъ ни подводы ни коня моего не кормятъ ни сѣнъ моихъ не косятъ ни городное дело ни к стоновщику ни счетными людьми стяглыми не тянутъ ни в которые проторы. Ни мои сольвары в княгини с тѣхъ варницъ половниковъ не сшлютъ ни с ихъ водоливовъ и дровосѣковъ и дровозововъ мытники мыта не емлютъ ни иные ни которые пошлины. А даетъ мнѣ игумень с тѣхъ земель и людей и варницъ оброкомъ въ мою казну на Николинъ день на осенней съ году на годъ по три рубля. А

¹⁾ По печатной описи лит. В № 138, стр. 127.

писцы мои тѣхъ ихъ земель и людей и варницъ не пишутъ, а по сесь день не примати им къ себѣ из мое волости из моихъ сель людей ни кого. А волостели мои нерехотские и ихъ тивуни не всылаютъ къ нимъ доводщиковъ своихъ въ ихъ деревни и къ ихъ варницамъ ни почто; а праведщикы и доводщикы поборовъ у нихъ не берутъ ни съ варницъ площадокъ не емлютъ ни судятъ ихъ ни вчемъ опрочъ душегубства. А судить тѣ люди свои игумень самъ или кому прикажетъ, а случится тѣмъ людямъ монастырскимъ судъ смѣсной с городскими или съ волостными людьми и волостели мои нерехотские и ихъ тивуни судят а игумень сними судить или кому прикажетъ. А правли будетъ или виноватъ монастырской человѣкъ и онъ игумену и въ винѣ и въ правдѣ. А волостели мои нерехотские и ихъ тивуни не вступаются въ монастырского человѣка ни въ правово ни въ виноватово. Также и игумень не въ ступается въ городского и въ волостного человѣка ни въ правово ни въ виноватово. А кому будетъ каково дѣло до ихъ соловара или чего кто (ветхо) взати на немъ, и яз княгиня великаа сужу его сама и пристава даю на него, а черезъ сю мою грамоту великіе княгини кто что у кого возметъ или чимъ избидитъ быти отмене в казни. А на кого грамату свою грамоту дамъ, а на грамоту иные грамоты не дамъ. А дана грамота в Ростовѣ в лѣто 6959 дек. (1450 г.).

На оборотѣ: княгини великая Марья пожаловала волостелемъ своимъ нерехотскимъ и ихъ тивунам и доводщикомъ и пошлинникомъ и писцомъ и донщикомъ рушити не велѣла ни вчемъ а подписал Федоръ-дьяк. (Костр. гр. № 2)".

[Взято из „Материалов для истории сел, церквей и владельцев Костр. губ. Отд III для Костр. и Плесской десятин. Вып. 5-й. Москва 1912 г., стр. 63—64. Материалы извлечены исключит. из докум. моск. арх. м-ва юст. Составитель указывает, что „в числе грамот под № 5 хранится грамота в. к Марии, сходная с вышеописанной, и начинается так: „по грамоте матере своеѣ в. княгини Софіи пожаловала есмы Троицкого Сергеева мон. игумена Иакима съ братею... а дана грамота лѣта 6991 августа в 1 день“ (стр. 65)].

Примечание к стр. 9-й.

Отметим кстати, что Светешниковы в 17 веке владели и Жегулевским Усольем. В церковно приходской летописи с. Усоля Преображенской церкви, составленной свящ. С. М. Преображенским, выписки из которой нам сообщил Вл. А. Миндовский, за что приносим ему глубокую благодарность, говорится, что в 1632 г. Усолье по указу царя Мих. Ф-ча „было дано гостю Надею и сыну его Семену Свешниковым или Светешниковым, и с тех пор оно получило название Надеинского Усоля, в отличие от Усоля Камского“. Во время их владения „к усольским дачам по правую сторону Волги для продолжения их варичного заведения соляного отмежевано было на противоположной Усолью стороне за Волгою еще черного и красного леса длиною по течению Волги 20, а шириною от Волги на 3, а в ином месте на 5 тогдашних верст. Свешниковы платили в казну государеву со всей своей вотчины Усольской оброку не подушно, а с варниц, с каждой по 26 р. 31 алт. с деньгою в год, да и с соли пошлины по указам. Владение Усольем Свешниковыми продолжалось со времен указа только 28 лет, до 1660 г. Последним владельцем Усоля была из них сестра Надея Свешникова—вдова Антониды. Ей выдано за все Усольское имение из казны государя из приказа Большого двора 6500 р.“, и в этом же 1660 г. царь Алексей Михайлович „пожаловал в тчину—Надеинское усолье с варницами, со всеми варничными заводами, с крестьянами и бобылями, с рыбными ловлями и со всеми угодыями в монастырь Рождества пресв. б-цы и вел. чудотворца Саввы Сторожевского“ (близь Звенигорода).

Обзор выходов соляных рассолов в Буге, Солигаличе и Боярской волости.

Из многочисленных слабо-концентрированных соляных источников Костромской губернии источники г. Солигалича привлекали всегда к себе наибольшее внимание, как потому, быть может, что рассолы их отличались сильнее выраженной концентрацией, так и потому, что промышленная разработка их замерла в сравнительно недавнее время и этим самым сохранила более впечатлений в населении. В начале революции, в период пережитого нами острого соляного голода, хозяйственные органы губернии для смягчения кризиса не раз выдвигали вопрос о возможности эксплуатации рассолов как Большесольских, так и Солигаличских для выварки соли, и целью выяснения этого вопроса явились в 1919 и 1920 г. г. мои командировки от Г. С. Н. Х. в указанные и в некоторые другие пункты губернии. Конечно, никаких разведочных работ в этом направлении не производилось, а эти командировки при личном знакомстве с давно зарегистрированными в геологической литературе обнажениями коренных пород, а также при личном наблюдении рельефа местности, могли создать лишь обстановку для непосредственного осознания уже известных геологических фактов, а потому настоящая статья совершенно не претендует на глубокое, детальное и всестороннее изучение данного вопроса.

Соляные источники г. Солигалича.

Рельеф расположения г. Солигалича в виде почти замкнутой котловины, прорезаемой лишь р. Костромой, в связи с существованием тут пресных и соленых вод артезианского характера много говорит за то, что такому внешнему рельефу соответствуют и внутренние залегания коренных пород в виде синклинали складки или мульды. Это подтверждает предполагаемое Никитиным падение на N известняков и существование выхода их с понижением на O ; наблюдавшееся мною в д. Заяцкой в 5 верстах от Солигалича уже на протяжении деревни в местах их выломки, и самый факт, доказанный Никитиным, складчатости ложа, как пермских, так и выше лежащих пород. Так как по разрезу, приводимому у Никитина, длина складки, центром которой является г. Кинешма, равняется около 30 верст, а длина складки между Решмой и Юрьевцем значительно меньше, не будет ничего невероятного и здесь район расположения складки ограничить прилегающими к Солигаличу местностями с незначительной сравнительно площадью водосбора. Во всяком случае такое представление о внутреннем строении коренных пород будет правдоподобнее, чем предполагаемая горным инженером Ширяевым в его отчете о поездке в Б-Соли в 1916 году одна общая, проходящая по всей Костромской губернии от г. Солигалича до Б. Солей, а может быть, и далее, складка.

Источников г. Солигалича имеется 2. Один из них, представляющий буровую скважину, служит для целей курорта, и на нем поставлен насос для перекачивания воды в водогрейку. Другой источник, вытекающий из склона маленького ручья, имеет, по видимому, также искусственный выход, лишь замаскированный долгим рядом лет. Это можно думать потому, что в месте его выхода можно с некоторой долей вероятности усмотреть следы засыпанной горизонтальной, крепленной деревом галлереи, которая, по видимому, вела к неизвестной скважине. История первого источника, находящегося саженей на 50 ближе к р. Костроме, более известна Буровая скважина, из которой бьет источник, пробурена в 30-х годах известным предпринимателем Кокоревым, который думал получить из нее концентрированный соляной рассол для возобновления остановленного за невыгодностью промысла. На глубине 32 саженей (или 64 метр) (Никитин. 71 лист Геол. карты, стр. 33—34) она прошла через слой красного песчаника, из которого и получился обильный соляной

источник, бывший на высоту $1\frac{1}{2}$ саж. на поверхность земли. Известно, что общая глубина скважины 202 метра (101 сажень), что пермский красный песчаник продолжался до 140 мет. (70 саж.) глубины, но какие породы предшествовали песчанику, а также и следовали за ним—неизвестно. В настоящее время скважина уже не является самоистекающей в виду позднейшего засорения ее различными буровыми приборами и друг. посторонними предметами, и вода стоит несколько ниже поверхности земли. Температура обоих источников $6,5^{\circ}$ P., дебет около 10.000 ведер в сутки.

Само собою понятно, что источники г. Солигалича, расположенного в области распространения осадочных пород, относятся к обычному типу водозовых источников (по терминолог. Зюсса), т. е. таких, которые питаются поверхностными и атмосферными водами, в отличие от ювенильных, которые поглотили влагу при остывании земной коры. Конечно, при известной продолжительности наблюдений за ними можно было бы вывести и законы, которым подчиняются эти источники, определить максимум и минимум дебета в течение года, но и без этого принадлежность данных источников к типу водозовых не подлежит ни какому сомнению. Для нас это важно в том смысле, что минерализация водозовых источников не является постоянной величиной в течении целого года, а потому не должно удивлять некоторое различие в анализах, взятых в разное время.

Переходя к рассмотрению Солигаличских источников, как минеральных тел, могущих служить для добывания соли, можно а priori сказать, что они не удовлетворяют означенной цели. По анализу доктора Орлова, произведенному в 1902 году в лаборатории Старорусских минеральных вод, поваренной соли в источнике № 1 оказалось $0,91\%$, в источнике № 2— $1,28\%$. Трудно предполагать, чтобы новый анализ изменил существенно, в ту или другую сторону, эти цифры. Из современных наиболее бедных рассолов с поставленным на них производством выварки соли являются едва ли не самыми бедными источники г. Тотмы Вологодской губернии с содержанием поваренной соли в них $4,3\%$.

Имея в виду нормальные условия с конкуренцией более сильных производств, рассчитанных на целый ряд лет, нужно признать, что Солигаличские источники в настоящем виде абсолютно не пригодны с промышленной точки зрения для выварки соли. Надо лишь выяснить, насколько и каким образом могут быть изменены в благоприятную сторону их внутренние свойства.

Не подлежит сомнению, что правильного коптажа, т. е. технического процесса, который имеет целью захват источника в месте его выхода и изолирование его в этом состоянии от других вод, в данном случае не имеется. Спускаясь вниз в колодец, который выведен в круг деревянной трубы источника № 1, можно видеть, что деревянная труба раскололась пополам в продольном направлении. По всей вероятности такие же явления могут быть и на большей глубине; точно также едва ли сохраняется плотность соединения отдельных звеньев деревянных труб в местах их стыка; одним словом, даже если допустить что в большей своей части скважина и закреплена металлическими трубами, препятствующими проникновению нижних горизонтов пресных вод, все же безусловно можно считать вероятным, что верхние горизонты пресных вод не являются изолированными что, конечно, должно отразиться на химическом составе воды.

Надо полагать, что новая буровая скважина, проведенная рядом, с совершенной изоляцией горизонтов пресных вод, безусловно изменит в благоприятную сторону состав рассола; но нет никаких данных судить о степени этого изменения. Если верить тому, что предприниматель Кокорев не поставил производство солеварения в то время, когда коптаж источника по крайней мере в первый момент и хотя не вполне, но отчасти был достигнут, можно думать, что концентрация данного рассола и в его чистом виде была не достаточна.

Но даже оставляя в стороне и это обстоятельство, не вполне безнадежным является возможность нахождения более концентрированных рассолов в др.

более глубоких слоях; а так как глубина Солигаличских скважин и без того значительна, и возможность углубления ее или прохождения более глубокой скважины вблизи сопряжена со значительными техническими трудностями, то имеется возможность достигнуть глубоких слоев на N или на N от Солигалича в сторону д. д. Заяцкое и Бедино—мест выхода известняков на меньшей глубине от поверхности. Это прозвучит, пожалуй, парадоксом, имея особенно в виду значительное повышение рельефов в сторону этих деревень, но при представлении геологического строения окрестностей г. Солигалича в виде мульды или синклинальной складки это не покажется удивительным, так как падение известняков в сторону города от мест их выхода значительно сильнее понижения рельефа поверхности, и ближе к выходу известняков толщи пород над ними будут, конечно, меньше.

На примере Цехоцинских в царстве Польском соляных источников, где проведено в разное время буровых скважин глубиной от 34 до 450 метров и с концентрацией рассола от $1\frac{1}{3}\%$ до $6\frac{3}{4}\%$, можно видеть, что к такому заключению имеются серьезные практические основания, подтверждающие теоретические выводы. Это тем более понятно, что по указанию Никитина соляные рассолы Костромской губернии являются принадлежностью нижних слоев яруса пестрых мергелей пермской системы, а у нас не имеется никаких данных к тому, что Солигаличские скважины доведены до подлежащих указанным мергелям пермских горных известняков.

Можно еще указать на местонахождение в районе Солигалича также и сернистых вод, присутствие которых мне пришлось наблюдать в ключе „Глушица“, впадающем в р. Кострому и берущем начало из участка усадьбы Голубева в районе города. Присутствие сернистых вод не является в данном случае необычным, так как гипс, нахождение которого в толщах пестрых пород вероятно и подтверждается значительным содержанием CaSO_4 в воде Солигаличских источников, под влиянием органических веществ восстанавливается в CaS_2 , который в свою очередь разлагается водой с образованием H_2SiS . Подробный генезис доказан для многих сернистых источников; в частности можно указать на пример Кеммернских.

Касаясь разработки руд, эксплуатации соляных источников в давно прошедшие времена, как нашими предками, так и неизвестными нам народностями, пора оставить ложный взгляд, смотреть на это явление, как на дающее возможность разработки подобных месторождений и в настоящее время; в частности это относится к выварке соли из многочисленных источников Костромской губернии в прежние времена, как то, в Солигаличе, Нерехте, Кадые, может быть, в Буге, Б.-Солях, а равно и к выплавке железа из болотных руд. Все это указывает лишь на общую распространенность соленосного горизонта на всей территории Костромской губернии, но отнюдь не говорит за промышленный характер этого явления. Хотя не может быть и сравниваемым развитие культуры и технических методов нашего века и значительное уменьшение как человеческой энергии, так и материальных средств, затрачиваемых на выработку единицы добываемого продукта, все же стоимость и оценка человеческого труда, в некоторых случаях, может быть, и рабского, стояла на такой низкой степени, что это обстоятельство вполне окупало затрачиваемую энергию. Этому также способствовало отсутствие удобных путей сообщения и недостаток транспортных средств, что заставляло вырабатывать какую-либо, хотя и очень бедную руду, не считаясь со стоимостью ее добычи в виду невозможности получения ее со стороны. В те времена считались лишь с доступностью получения продукта в пределах их элементарных знаний и совершенно не ценили количество усилий, затрачиваемых на это. Лиц, посещавших такие области, как, например, Туркестан, где повсеместность минерализации пород соединена со слабой степенью этой минерализацией в процентном отношении, поражает тот факт, что по всей области раскиданы древние разработки элементарно вырабатываемых металлов, как золото, медь, свинец, давно переселившимся в другие места народами—арабами и китайцами, и в таких месторождениях, которые при наших совершенных технических способах

мы разрабатывать не можем. И только развитие транспортных средств, вольный труд и конкуренция уничтожили это кустарничество.

Рассматривая разведки и скважины, которые проводились в соленосных районах Костромской губернии, можно выяснить, что они все не достигали своей цели, потому что не доходили до тех горизонтов, которые нужно считать крайними для получения благоприятных результатов.

О Солигаличской скважине я уже говорил в начале отчета, местность г. Кадыя совершенно не выяснена ни с какой стороны, источники Б.-Солей тоже еще не определены исчерпывающим образом, потому что та глубокая скважина, которая там проведена в сравнительно недавнее время, прошла через толщу песков неизвестного возраста (быть может, сомнительные породы г. Юрьевца по Никитину) и еще не встретила пестроцветных пород. Неоспоримо, причем к этому склоняется и Никитин, что соленосный горизонт, связанный с нижними слоями яруса пестроцветных пород, проходит подо всей площадью Костромской губ., но не везде возможность его разведки будет иметь благоприятные условия, так как надо считаться с мощностью вышележащих пород.

Если когда нибудь будет поставлен в порядок дня вопрос о выяснении промышленного характера залегания соляных рассолов, то, по моему, самым благоприятным пунктом для такой разведки могут быть главным образом окрестности г. Солигалича, как потому, что там достигало наибольшего развития солеварение прежних лет, так и потому, что геологические факторы в роде близости выхода подлежащих пестроцветным породам известняков и наличие складчатости, определяющей артезианский характер вод, будут способствовать скорейшему достижению целей разведки.

Соляной источник в местности „Солонина“ Буйского уезда.

Источник „Солонина“ находится приблизительно в 8 верстах от г. Буй, несколько вправо от тракта Буй-Кострома.

Местность представляет довольно низменную открытую площадку с мелкими кустарниковыми зарослями среди глухого леса, на которой протекает вода по руслу, совершенно не имеющему очертания долины. В одном месте в русле находится деревянная труба диаметром около 10 верш., из которой вытекает сильная струя слабо-солонатовой воды с температурой 6° R. ¹⁾ Вода совершенно чистая, но на деревянных частях имеются налеты солей серо-зеленоватого цвета. Глубину скважины, давность проведения которой находится даже вне жизни и памяти старожилов, определить нельзя, потому что она закидана всевозможными предметами; видимая глубина около 2-3 арш. Передают, что закупорка скважины производилась даже сознательно с целью прекратить вытекание воды, которая в силу своей минерализации портила траву, необходимую для сенокоса, осаждавая на них соли. Никаких обнажений коренных пород в этой местности встретить нет надежды, и само существование этой скважины с солонатовой водой представляет геологическую загадку, которая может быть выяснена только последующим бурением. Так как соляные источники являются в нашем Костромском крае связанными с нижними слоями пермских пестроцветных пород, а г. Буй представляет почти южную границу выхода их на поверхность из под выше лежащих, то естественнее всего и здесь допустить такое же объяснение. Никаких выводов, касающихся глубины

¹⁾ Надо впрочем заметить, что температура 6° R. или 7,2° C. не мною измеренная, по случаю отсутствия у меня термометра, и указанная сопровождавшим меня лицом из Технического Отдела Буйского Усовнархоза, скорее говорит за то, что вода источника поступает из довольно глубоких горизонтов. В самом деле, принимая среднюю годовую температуру г. Буй около 2,5° C., мы получим разницу в 4,7° C., а т.к. геотермический градиент, т. е. глубина, при которой температура земли повышается на 1 градус равняется 33 метрам, то глубина горизонта, из которого вытекает вода, теоретически определится, как $33 \times 4,7$, т. е. 155 метров или около 77,5 саж.

соленосного слоя, концентрации циркулирующих по нему рассолов строить нельзя даже в случае констатирования пестрых пород, так как мощность их, очень значительная, никем конкретно не определена, и сами они в виду отсутствия в них палеонтологических остатков не подразделены на ярусы, как юрские или меловые слои.

Соляные источники Боярской волости Ковернинского у.

В связи с возникшей одно время необходимостью разработки известняков Костромским Г. С. Н. Х. мне пришлось посетить местность д. Фефелихи Боярской волости в 10 верстах от пос. Пучежа, где одновременно имеются выходы известняков, гипса и соляных источников. Источник значительно опресненной воды находится в низменной долине ручейка, впадающего в р. Ширмачу, и, как обычно, в месте его выхода имеется деревянная труба значительного диаметра, указывающая самым характером своего оборудования на сравнительную давность ее основания. Осмотр местности, прилегающей к самому пункту выхода источника, расположенному в зоне аллювиальных осадков, ничего не дает, но обзор пород, слагающих довольно крутые берега р. Ширмачи, дает возможность высказать предположение, что и в настоящем случае соленосными являются пермские красноцветные породы и вероятнее даже их нижний ярус пестрых мергелей, что можно видеть из дальнейшего описания.

Выходы известняка имеются по правому обрывистому до 5 саж. высотой берегу р. Ширмачи. В некоторых случаях известняк представлен в виде отдельных глыб (более чистый), в других имеет слоистое залегание, переслаиваясь с пластами цветных глин, пожалуй, на расстоянии и переходя в них. Геологическое описание обнажения можно дать следующее.

Сверху залегают обычные валунные глины, которые в самом месте обнажения не сохранились, так как искусственно сняты при прежних открытых работах, а в других случаях верхняя часть поверхности, заключавшая их, выровнена для основания находящихся там известковых печей и для штабелей известняка, но наличность их с несомненностью может быть установлена как существованием их в других пунктах по течению реки, так и присутствием валунов по осыпи обрыва. Ниже залегают толщи пермских глин, которые лишены органических остатков, но возраст которых можно с большей или меньшей степенью вероятности установить по их типичному наружному виду, легко отличимому для тех наблюдателей, кто с ними имел дело, что и заставило назвать их „красноцветными породами“ или „полосатыми“, так как в них происходит частое чередование красных, голубых, зеленоватых и других цветов, но с преобладанием красного. Можно даже более точно определить ее принадлежащей к нижней песчано-глинистой и песчано-мергелистой толще красного цвета (красно цветной толще) по геологической терминологии Р₁. В нижней части этой толщи на высоте около 1 саж. над уровнем воды, р. Ширмачи, среди глинистых слоев заметны слои известняка слегка красноватого цвета (не чистого), повидимому переходящего на расстоянии с постепенными вариациями в те же красные глины. Как слои пермских глин, так и известняков, заключающихся в них, подвержены сильной складчатости, имеющей, как будет указано ниже, местное значение. Еще ниже, почти у самого берега реки заметны отдельные, как бы изолированные, выходы белого, более чистого известняка в виде глыб.

Гипс в обнажении нигде не виден. По словам крестьян он добывался не в обрывистой части берега, а в затопляемой части низменной долины речки, при чем вырабатываемые места заливались водой, которую в процессе добычи приходилось отливать. Характер залегания его, из их слов, можно представить, как включение в известняках.

Мною пока обрисованы данные в том виде, в каком они представляются наблюдателю со стороны, причем, как будто бы, из этих данных трудно извлечь какое либо определенное мнение. Но, если мы обратимся к геологи-

ческой литературе, относящейся к данной местности, и сопоставим все вместе, то можно высказаться уже более определенно.

В капитальном труде геолога горного инженера С. Н. Никитина „Общая геологическая карта России 71 л.“, описанное мною обнажение на р. Ширмачи, не фигурирует, но у него приводятся четыре обнажения между п. Пучежом и с. Катунками на р. Вьлге, расстояние которых от указанного пункта равняется 10—25 верстам.

Я приведу некоторые выдержки из этого труда Никитина. В описании обнажения 33 у п. Пучежа он говорит: „тут мы впервые замечаем выходы пермского известняка в виде массивных белых глыб, кое где выдающихся из под надвинутых и оползших сверху полосатых глин и мергелей триаса ¹⁾, являющихся вследствие таких оползней сильно возмущенными и изогнутыми. Такое строение разрезов мешает наблюдать первоначальное отношение пермского известняка к полосатым породам. Известняк этот определяется мною как пермский, только по аналогии с таковым же образованием в следующем обнажении“.

Об обнажении 34 в шести верстах выше Катунков он говорит следующее: „в обнажении почти в равном количестве чередуются красные и зеленоватые мергели и глины с прослойками в нижних горизонтах известняка, известковистого песчаника, гипса и горной кожи. Обнажение затемнено оползнями, заставляющими полосатые породы принимать самую разнообразную складчатость, фантастические изгибы и переломы; местами слои получают совершенно вертикальное положение. Над полосатыми породами видна бурая валунная глина“.

Еще характернее будет описание обнажения 35 у с. Кресты, в 3-х верстах выше Катунков: „из под надвинутых полосатых пород выдается белый известняк с внедряющимся в его верхних горизонтах гипсом. И тот и другой разрабатываются здесь самым примитивным образом, не существует даже правильного разноса. На первый взгляд месторождения кажутся гнездообразными вследствие обвалакивающих их со всех сторон оползших полосатых мергелей и неравномерно внедряющихся в верхние слои известняка гипсов“.

При сравнении нашего обнажения на р. Ширмачи его целиком можно параллелизовать с только что цитированными и отнести к такому же возрасту, так как все детали обнажений совпадают с замечательными подробностями. Единственная окаменелость, взятая мною из осыпи обнажения, относится, повидимому, к роду мшанок „*Fenestella*“, фигурирующему и у Никитина.

Отсюда можно видеть, что связь источников с пермскими породами является вполне вероятной.

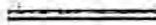
Делать же предсказания о промышленном характере данного соляного, источника рискованно. Возможно, что концентрация рассола источника, подвергнувшегося коптяжу, значительно повысится, но достигает ли она степени, достаточной для промышленной эксплуатации, сказать невозможно. Близости настоящего источника к г. Балахне, находящемся от него лишь в нескольких десятках верст и имеющем соляные рассолы, разрабатывавшиеся на глазах у современников, не дает достаточного основания делать какие либо аналогии.

По отношению же ко всем источникам Костромской губернии можно высказать такой взгляд, что если правильно мнение об опреснении первоначальных соляных рассолов циркулирующими в верхних слоях пресными грунтовыми водами, то в свою очередь до сих пор нет никаких подтверждений и тому, что первоначальные рассолы являлись достаточно концентрированными, причем недостаточность концентрации могла быть результатом незначительного содержания самого вещества поваренной соли в нижних слоях пермских пород.

Как видим из всех приводимых здесь рассуждений, вопрос о промышленном значении соляных рассолов Костромской губернии до сих пор разрешался в отрицательном смысле, и это обстоятельство в связи с налич-

¹⁾ По современным данным относимым к пермской системе.

ностью многочисленных случаев разработки их в давно прошедшие времена, давало повод некоторым современникам указывать на недостаточную выясненность этого вопроса и недоведение до конца всех возможных способов разведки. Надо сказать, что такая судьба по большей части постигает все те месторождения, которые при целом ряде произведенных разведочных работ не дают удовлетворительных результатов или же стоят на грани между промышленными и непромышленными. Для примера можно указать на месторождения нефти в районе среднего течения Волги (Самарская и Казанская губернии), на Ухтинскую нефть, на многочисленные месторождения местных руд Туркестана, и вполне понятно, что многочисленные попытки разведок, приведших к неудовлетворительным результатам, не дают стимула, побуждающего с достаточной энергией довести до конца начатое дело, тем более, что в природе существует такое множество комбинаций месторождений, которые никогда не позволят считать все произведенные по разведке работы достаточно объясняющими допустимые возможности.

Солеварение в Солигаличе в 1919—1921 годах.

Под влиянием наступившего в 1919 г. соляного кризиса жители г. Солигалича вспомнили о своих соляных источниках. К 1919 году на Шешкове ручье в Солигаличе уцелели два колодезя, один на площади у самого каменного моста, а второй сажень на 70 ниже к р. Костроме. Этот второй колодезь давал воду для лечебницы, а излишек ее стекал по деревянному желобу в Шешков ручей. Вода этого колодезя считается слабее (содержит меньший % соли), чем в первом колодезе.

Все бросились брать воду из первого колодезя, у моста. Берега ручья у моста высокие; колодезь глухой и закрытый, сруб к нему сделан из бревен, размером 1×1 сажень. Глубина его неизвестна. Вода вытекает из колодезя в ручей по деревянному желобу. Мост очень узок и проезд тоже, местность вокруг сильно застроена. Вереницы деревенских подвод с бочками и длиннейшие очереди людей с ведрами делали движение через этот мост прямо невозможным... Спуск к желобу, очень крутой, не имел лестницы. В морозы же, облитый водой и оледенелый, спуск являлся прямо опасным. Случалось, падали и сильно расшибались; один случай, говорят, был смертельный. В виду этого в 1920 г. воду отвели; устроили из половых досок закрытый желоб длиной до 70 саж. Желоб этот сделали вдоль по ручью в сторону р. Костромы к площадке против Никольской церкви. Площадка эта довольно обширная, движение чрез это место малое, и вереницы подвод и очереди людей не мешали движению на мост чрез р. Кострому в старую заречную часть города.

Очереди состояли из десятков граждан, стоявших в затылок, каждый с двумя ведрами. Наполнивши ведра, отходили к подводам, выливали воду в бочки и вновь становились в хвост очереди. Чтобы наполнить 20-ти ведерную бочку, нужно было становиться 10 раз в очередь. Разумеется, дело не обходилось без ругани, а иногда и драки.

Жители самого Солигалича брали соляной рассол ночью, так как дневные очереди отнимали много времени, всю ночь возили воду на ручных тележках и носили ведрами на коромыслах и ушатами.

Все окружающие Солигалич деревни на 12 верстном расстоянии занялись специально вываркой соли, устроив в домах солеварни. В Солигаличе в домах варить соль было воспрещено, разрешалась варка лишь за городом, на расстоянии приблизительно 50—100 саж. За водою ездили из Чухломского и Буйского уездов верст за 60—80, употребляя рассол прямо в кушанья без вывара, но такое употребление его было мало пригодно: кушанья делались горькими.

Вокруг Солигалича горожанами было устроено несколько десятков солеварок. Устраивались они так. В земле выкапывалась яма глубиною до 1—1½ арш., около 1½ саж. ширины и столько же длины. Из досок и разного старья выводились стенки и крыша такой высоты, чтобы можно было человеку стоять во весь рост. По середине устраивалась печь: ставились из кирпича три стенки, высотой около $\frac{3}{4}$ аршина, часто без подз, на края стенок ставили противни. Каждый противень делался из целого листа кровельного железа, высота противня около 1½ вершк. Противни ставились рядом, и выводилась железная труба чрез крышу. Вот и все устройство солеварни, у которой летом дверей даже и не делалось, а только на зиму. Выварка соли шла непрерывно день и ночь. Из двух противнях при варке круглые сугки вываривалось 10 фунтов соли и более. Деревенские солеварки такого же устройства. В виду громадных в общем размеров варки соли, вокруг Солигалича сожжен чуть ли не весь дровяной лес на 12 верстном расстоянии; и теперь дрова здесь очень дороги. В декабре 1921 г. дрова в Солигаличе ценились до 35 тыс. руб. за воз, причем обычно на деньги не продавали, а только на хлеб, керосин и проч., тогда как в Чухломе воз дров стоил 15000 р. и исключительно на деньги.

При начале варки соль получалась темно-желтого, почти коричневого цвета, вероятно, от иода. Такая соль придавала кушаньям горький вкус и употреблялась в пищу лишь в случаях крайней нужды. Для удаления горечи и получения соли более чистого белого цвета местные солевары сделали маленькие изобретения. Во время варки снимали ложками и выплескивали желтую пену. Известь и другие минеральные примеси удаляли, ставя в противни 3—4 пустые жестянки из под килек, сардинок, шпротов; вода во время кипения ключом забивала песок и известь в жестянки; по окончании выварки из противней вынимали жестянки, почти до верху наполненные известью и песком. После такой очистки соль начала получаться лишь с легким желтоватым оттенком. Но очищенная таким способом соль считается малосолкой и для солений, грибов, мяса, капусты—не пригодна.

В период 1919—1921 гг. Солигаличской солью питались четыре уезда: Солигаличский, Чухломский, Буйский и Галичский. Лишь для соления впрок старались достать Леденгской соли из Тотемского уезда. Из других мест подвозу в эти уезды соли не было, да и Леденгская соль проникала только в крайне ограниченном количестве. Там были две казенных варницы, и поэтому частным лицам варка соли была запрещена, и последние варили и продавали ее только тайком, а с советских варниц соль шла исключительно на потребление Тотемского уезда.

В экономическом отношении солеварение сыграло огромную роль. За три года Солигаличский уезд страшно обогатился. Масса ценных вещей из соседних Чухломского, Галичского и Буйского уу. было ввезено в Солигаличский уезд в обмен на соль. Ввозилось много и продуктов, и поэтому Солигаличский у. не пережил тех бедствий голодания, какие так знакомы стали другим уездам губернии.

Недостаток соли сделал то, что в означенных трех уездах в течение 2 лет денежной единицей в торговле была исключительно соль. Все продукты: дрова, сено—все продавалось крестьянами только на соль. Чтобы иметь для обмена соль, жители смежных уездов отвозили ценные вещи в Солигалич и там выменивали на соль, а потом на соль приобреталось все необходимое. В самом Солигаличе соль на деньги не продавалась. В то время как в смежных городах базары пустовали, базары в Солигаличе были громадные, небывалые; в других городах торговать не позволялось, в Солигаличе таких стеснений не было. С самого начала переворота Солигаличские базары породили спекулянтов.

Советская власть м. пр. использовала соляные источники в целях принуждения к уплате продовольственного налога. Обычно это делалось так: как только наступало время уплаты налогов, к источнику ставили милиционера, и крестьяне могли получать рассол по представлению удостоверения волисполкома о полной уплате продналога. Если крестьяне не выполняли повинностей по заготовке дров, поставке лошадей или по перевозке грузов, источник снова закрывался; и выдача рассола производилась лишь по предъявлении соответствующих удостоверений. Источник закрывался раза четыре в год, иногда на неделю, две и даже на месяц. Первое время после закрытия рассол обычно не отпускался неделю, две, а потом начинали отпускать по удостоверениям.

Варить соль в Солигаличе начали во второй половине 1919 г., но сначала только для своего уезда. С начала 1920 г. стал ощущаться сильный недостаток соли в Чухломском уезде. Подвозу ни откуда не было. В марте цена за фунт соли возросла до 900 руб. Крестьяне целыми обозами начали ездить в Солигалич с бочками и кадками за рассолом. Такая подвозка воды была очень невыгодна. Почти половина воды в дороге расплескивалась, да и вареные на этой воде кушанья были недостаточно солены. Вот с этого времени, сообразив все выгоды солеварения, солигаличане принялись за усиленную варку соли.

К концу 1920 г. цена на Солигаличскую соль выросла до 3000 руб., и с этого момента в Чухломе если что и удавалось купить у крестьян, то только

на соль. В марте 1921 г. были такие цены: 10 яиц=2 фунта соли, ведро соленой капусты=9 ф. соли, воз дров=5 ф. соли. Портные за шитье платья, сапожники за починку обуви стали брать солью. За табуретку простой работы, неокрашенную, брали 5 ф. соли, за битого тетерева 4 ф. соли. Мера мелкого картофеля в апреле 1921 г. стоила 3 ф. соли. За 1 ф. сливочного масла брали 5 ф. соли. В мае 1921 г. мелкие карасики продавались: 2—3 ф. рыбы за 1 ф. соли. Пастухи за пастьбу скота просили по 2 ф. соли. В мае 1921 г. в Солигаличе за детскую рубашечку давали 10 ф. соли, за катушку черных ниток 2 ф. соли. Цена на соль там была в это время 2500 р, за фунт. В Чухломе за переезд на одной лошади брали 10 ф. соли. В июне 1921 г. в Чухломе букет садовых цветов продавался за 1 ф. соли.

В июне на базары в Солигалич жители Чухломы вывозили массу вещей, платья, обуви, мануфактуры, золотых вещей и т. п. для обмена на соль. В половине июня на один из базарных дней (суббота) тоже приехала масса чухломцев с товарами. В разгар торга по базару пошла милиция и начала отбирать вымененную в размере более пуда соль, забирая владельцев ее в Управление милиции. Напуганы этим чухломцы были сильно—лишиться соли было очень тяжело: большинство повезло последние вещи, чтобы раздобыть соли, без которой в Чухломе ничего нельзя было купить, и обязавшись заплатить за подводку 10 ф. соли. Говорят, что в то время состоялось постановление Исполкома о воспрещении вывоза соли из Солигаличи и одновременно воспрещено было, на некоторое время, брать соляную воду из источников. Кажется, это совпало с известием о предстоящем объявлении правительством соляной монополии. В виду того, что последняя не была еще объявлена, всех арестованных из милиции освободили, а соль возвратили. Соль в это время в Солигаличе оценивалась в 2000 руб. фунт. С воспрещением вывоза соли из Солигалича в смежных уездах цены повысились до 3000 р. фунт. 27 июля 1921 г. стоимость поездки из Чухломы в Солигалич равнялась 12 ф. соли. Сплошь и рядом чухломцы, ничего не выменяв в Солигаличе, должны были платить за проезд 12 ф. соли, или же вынуждаться невыгодно променять вещи. Напр., морозовское полотно, не бывшее в употреблении, отдавали аршин за 3 ф. соли.

В августе в Чухломе воз сена стал 25—40 ф. соли, а к концу того же месяца потребность в соли начала падать, и соль стала терять значение денежной единицы. Объясняется это тем, что в августе в Чухломе был сильный урожай грибов. Кооператив покупал их у крестьян, платя за пуд рыжиков сырья 10 ф. соли, скупая на соль и другие грибы. Затем тот же кооператив начал за пуд ржи выдавать 30 ф. соли. Так. обр. нужда в соли у крестьян отпала, и они уже за свои товары не стали требовать от жителей Чухломы соли. В августе за фунт яблок в Чухломе платили 2 ф. соли; за новый ушат просили 5¹/₂ ф. соли, мера брусники стоила 10—12 ф., кролик 4-х месячный—3 ф., два берестяных бурака—5 ф. соли.

Объявление правительством соляной монополии убilo вконец солигаличское солеварение. Уже теперь не находят выгоды вываривать соль. Получая из кооператива за пуд ржи 30 ф. соли, крестьяне приобретали соль высшего качества по 2000 р. фунт. Цена на хлеб в августе и сентябре 1921 г. была 60000 р. фунт. Соль стали мало спрашивать, начали требовать соль привозную, а солигаличскую—браковать.

В конце 1921 г. у источников никаких очередей не было: редко-редко встретишь крестьянина с бочкой. Некоторые крестьяне продолжают еще варить соль для своего употребления; но для продажи соль уже не варится, и все солеварки уже в Солигаличе и в деревнях разломаны.

